

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДМИТРИЙ ЕВДОКИМОВ

ИГРА НА ПОВЫШЕНИЕ

Тайный враг хуже внешнего врага!

Дмитрий Викторович Евдокимов

Игра на повышение

Серия «Князь Холод», книга 3

Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65802069

*Князь Холод. Игра на повышение: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; М.; 2021
ISBN 978-5-17-135984-3*

Аннотация

Кругом враги! Недооценивать нельзя не только внешних врагов, но и внутренних завистников. Упустивший из виду этот фактор Михаил Бодров едва не рухнул с высоты своего положения до самых низов. Худшего удалось избежать, но время упущено и условия для выправления ситуации теперь хуже некуда: он отправлен в ссылку, армия разбита, над страной вновь нависла угроза потери территорий. Вряд ли такая задача по плечу обычному человеку, но за дело берется Князь Холод!

Содержание

1	6
2	15
3	22
4	48
5	67
6	75
7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дмитрий Викторович Евдокимов Князь Холод. Игра на повышение

© Дмитрий Евдокимов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Автор выражает благодарность *своей семье* за всемерную поддержку, *«банной банде»* – за поддержание хорошего настроения, *Татьяне Мельниченко* – за неизменно восхитительную работу в качестве редактора, корректора и бета-тестера одновременно.

1

За мной пришли около четырех часов утра. На первый взгляд все было пристойно – всего лишь приглашение на беседу к главе Сысского приказа, но при этом все мои рецепторы буквально кричали, предупреждая об опасности. Строго говоря, можно было послать майора Чусового вместе с его начальником куда подальше – не тот у меня нынче статус, чтобы так со мной обходиться, но первым идти на обострение ситуации не хотелось. Пусть Никита Андреевич сделает этот ход, а уж я найду чем ответить. Поэтому я лишь многозначительно переглянулся с Игнатом и молча отправился вслед за красномундирником.

За пределами моих покоев число сопровождающих увеличилось до трех человек, но оружие у меня пока не требовали и никаких грубостей себе не позволяли. На лестнице обнаружили еще три красномундирника, прилежно старавшиеся слиться с тенью у стеночки. Ждут. Ждут того, кто победит за помощью. Банально, примитивно, предсказуемо.

Ночь выдалась тяжелейшая. Подозреваю, что в историю она войдет под названием «Кровавая Пасха». После праздничной службы, во время крестного хода взорвалась заложённая на пути движения процессии пороховая мина, в результате чего погиб митрополит Филарет. Только вот сильно сомневаюсь, что целью злоумышленников был патри-

арх таридийской церкви, возглавлявший крестный ход, или окружавший его цвет столичного духовенства. Скорее всего, взрывники просто не сумели точно рассчитать время взрыва, который должен был стереть с лица земли государя нашего Ивана Шестого и его наследника Федора. А может, и меня вместе с ними. В итоге обоим старшим представителям династии Соболевых прилично досталось – нет никаких гарантий, что они не отправятся вслед за митрополитом Филаретом в мир иной, – а вот мы с Натальей Павловной при выходе из храма немного поотстали в возникшей сутолоке. Да еще прямо в момент взрыва меня притормозил мой секретарь Сашка Иванников, принесший срочное донесение от руководителя контрразведки Ольховского.

Совокупность этих случайностей сохранила нам с супругой жизнь и здоровье, зато, по всей очевидности, вновь одарила вниманием Сысского приказа.

Вот ведь никогда я не любил все эти массовые сборища! И в этот раз сделал все, чтобы избежать участия в пасхальной службе, завершающейся крестным ходом, да куда там – государь будет, наследник престола будет, а князь Бодров хочет пропустить столь важное событие? Царь-батюшка только укоризненно покачал головой, услышав о подобном, а царевич Федор выразительно крутил пальцем у виска: ты, мол, в своем уме? И так отношения с церковью натянутые в последнее время, а ты такой повод недоброжелателям хочешь дать.

В общем, пришлось нам с Натали участвовать. А тут такое! Хорошо, что двухлетнего сына с собой не взяли, не хватало еще, чтобы он с нами в ту адскую сутолоку угодил!

Между прочим, мы с Григорьянскими и так прилично рисковали, прорываясь сквозь обезумевшую толпу к царю и наследнику. И именно мы организовали их эвакуацию во дворец, а позже выставили оцепление и руководили спасательными работами до подхода профильных служб. И за все это теперь меня награждали вызовом к господину Глазкову! Где, спрашивается, справедливость?

Впрочем, еще теплится надежда на благоприятный исход дела, ситуация-то возникла нешуточная, и будущее страны теперь окутано покровом неизвестности.

Натали ушла поддержать царевну Софью, не так давно родившую третью дочку. Вот и хорошо, пусть пока не беспокоится за меня, может, все еще обойдется.

– Пожелал бы вам доброго утра, Никита Андреевич, будь оно хоть немного добрым, – заявил я с порога в кабинете главного разыскника Таридии. – О! Святой отец, вы тоже здесь? Не могу сказать, что рад вам, но ситуация такова, что может понадобиться любая помощь.

Это уже было сказано протоинквизитору отцу Пафнутию, важно восседавшему за соседним столом с хозяином кабинета.

– И вам не хворать, Михаил Васильевич, – поспешил вставить слово Глазков, не позволяя представителю инквизиции

с ходу ввязаться со мной в словесную перепалку.

Я подошел к стулу и, не дожидаясь приглашения, уселся, вальяжно вытянув натруженные за эту ночь ноги. Какого черта? Я не сделал ничего предосудительного и не собираюсь пресмыкаться перед ними!

Все же интересно – они меня позвали посоветоваться, или я уже в роли подозреваемого? Строго говоря, никаких предпосылок к этому не было, но когда этих двоих останавливало отсутствие предпосылок?

– Что можете сказать по поводу этого ужасного происшествия? – хмуро поинтересовался Никита Андреевич.

– Пороховая мина взорвалась в подземной галерее, вырытой с территории усадьбы помещиков Петровых, уроженцев Усольской губернии. Хозяева решили сделать себе ледник и наняли для этого артель землекопов, предложивших неожиданно низкую цену. Сами Петровы уехали в родную деревню. Все это сейчас проверяется, но велика вероятность, что их уже нет в живых. Оставшаяся в доме прислуга в полнейшем неведении. Вот то, что удалось узнать по месту преступления. А с другой стороны, нашей контрразведкой отслежена шайка злоумышленников, имеющая связи с фрадштадтскими торговыми кругами. Полдюжины человек схвачены и дают показания. К сожалению, Ольховскому не хватило какого-то часа для предотвращения беды. Вот записка, полученная мною от него за минуту до взрыва.

Я выудил из кармана смятый листок с наспех нацарапан-

ным предупреждением о заложенной бомбе по маршруту шествия крестного хода и протянул Никите Андреевичу. Нацепив на нос пенсне, тот ознакомился с содержанием, бросил на меня задумчивый взгляд из-под насупленных бровей.

– Значит, Фрадштадт? – тон заданного вопроса мне откровенно не понравился. Еще больше мне не понравилось, что записка Ольховского перекочевала в руки протоинквизитора.

– Кому еще это столь же выгодно и кто еще способен на такое? – ответил я на его вопрос сразу двумя вопросами.

– Смотри-ка, Никита Андреевич, как ловко получается! – воскликнул отец Пафнутий. – Сами все задумали, сами сделали, сами исполнителей схватили и показания нужные выбили! И записочку загодя приготовили, мол, чуток не успели! Ловко, князь, задумано, ох, ловко!

Протоинквизитор – это плохо. Это очень плохо. Потому как человек он очень злобный и мстительный. Пафнутий ополчился на меня еще в те времена, когда я делал в этом мире свои первые шаги, и с тех пор старательно использовал любую мелочь для обвинения меня в мракобесии, оскорблении чувств верующих и прочих страшных преступлениях. И плевать ему на отсутствие доказательств и логики в своих словах! Так что нельзя поддаваться на его наскоки, иначе просто затопчут. Несмотря на все мои заслуги и регалии.

– Вы, святой отец, не заговаривайтесь! – спокойно ответил я, обжигая представителя инквизиции морозным взгля-

дом. – За такие слова можно и к ответу быть призванным.

– Хех! – цинично усмехнулся отец Пафнутий. – На дуэль меня вызовешь, бретер проклятый? Ловко ты себе дорожку к трону расчистить решил, да промахнулся чуток! Государь скоро придет в себя, а там, глядишь, и царевич с Божьей помощью оклемается! Не сносить тебе головы на этот раз, Бодров! Ох, не сносить!

– Да иди ты лесом, пугало огородное! – как же давно я мечтал сказать ему в глаза эту фразу, и вот подвернулся удобный случай. А что прикажете делать, если никакие разумные доводы не доходят до человека?

Я развернулся вместе со стулом лицом к протоинквизитору – чтобы смотреть ему прямо в лицо, а заодно – чтобы держать в поле зрения стоящих за моей спиной красномундирников.

– Как смеешь ты, червь!

– Одну минуту, святой отец! – в голосе Глазкова прозвучали стальные нотки. – Позвольте мне!

– Давайте, Никита Андреевич, не стесняйтесь! – любезно поддержал я хозяина кабинета, при этом совершенно не ожидая услышать ничего хорошего для себя.

– Скажите, князь, – не обратив внимания на мое паясничание, продолжил Глазков, – вы ведь не хотели вообще посещать торжественное богослужение?

– Пропустить пасхальную службу?! – отец Пафнутий аж подскочил на стуле от такого подарка судьбы. – Да как мож-

но? Да это же прямое указание на ересь! Прислужник дьявола чувствует себя неуютно в храме Божьем!

– Да перестаньте нести чушь, святой отец! – досадливо поморщился я. – Нормально я себя чувствую в церкви, просто не люблю большие скопления народа. Уж извините, но мне этого на полях сражений хватило с лихвой!

– Но вы в итоге пришли, не так ли? – как ни в чем не бывало продолжил начальник сыска.

– Вы прекрасно знаете, что на этом настояли государь и царевич Федор.

– Согласно этикету, вы должны были находиться рядом с царевичем?

– О да! – неохотно подтвердил я, уже понимая, куда клонит оппонент. – Но при дворе полно блюдолизов, всегда старающихся протиснуться поближе к венценосным особам. Нам с супругой не хотелось толкаться с этими малопривлекательными людьми. К тому же на выходе из храма образовался затор, вот мы и отстали.

– Звучит малоубедительно! – Никита Андреевич откинулся на спинку стула и, скрестив на груди руки, впери́л в меня внимательный взгляд своих немигающих глаз.

– Правда всегда звучит малоубедительно, – спокойно парировал я, – но это она и есть. Если бы взрывники не ошиблись со временем взрыва, вряд ли бы эти несколько метров форы спасли нас.

– Тем не менее вы здесь, целы и невредимы. А в стране

безвластие. Кому же это выгодно? Ужель одним ффрадштадтцам?

– Кому же еще?

– А кто займет трон в случае смерти Ивана Федоровича и Федора Ивановича?

– Ой, Никита Андреевич! Опять старые песни о главном?

– Довольно уже паясничать, Миша! Все очень серьезно! Сегодняшняя трагедия выводит тебя прямиком на вершину власти!

– Если уж вы так спешите похоронить царя с наследником, – устало вздохнул я, – то смею напомнить, что официальной наследницей Федора Ивановича назначена его старшая дочь Александра. За ней следуют еще две сестры. Регентом при них, вполне естественно, будет их родной дядя царевич Алексей. Этот порядок престолонаследия был введен с моей подачи, и черт меня подери, если я позволю кому-то его нарушить!

– Очень пафосно звучит! Но, во-первых, у идеи возвести женщину на трон слишком много противников, а во-вторых, ни для кого ведь не секрет, какое влияние вы имеете на Алексея Ивановича. Так что, кто бы ни сидел на троне, реальная власть будет у вас.

– Глазков! Иди к черту!

Я обессиленно откинулся на спинку стула. Как можно переспорить упертых ффанатиков, оперируя логикой и пытаюсь взывать к доводам рассудка? Очевидно, что никак. Пора пре-

кращать это представление. Главное, чтобы сейчас в пыточную не потащили, а там разберемся.

– Ваша камера, Бодров, ожидает вас. Смею вас заверить, там все по-прежнему, ничего не изменилось. Так сказать, добро пожаловать домой!

То ли наивная попытка вывести меня из себя, то ли неуклюжая попытка пошутить. Тоже мне, психолог нашелся.

Я сам отстегнул ножны со шпагой, швырнул на стол и, заложив руки за спину, направился к боковой двери.

– Никита Андреевич, отдайте его мне! – прозвучал за спиной пышущий злобой голос протоинквизитора. – Я покажу ему перепись населения! Я все из него выжму, даже то, что он не знает!

– Чуть позже, отец Пафнутий, чуть позже!

2

Густые клубы сигарного дыма окутали лорда Генри Джеральда Хаксли. Обстановка кабинета виделась ему сквозь дымную пелену расплывчатой, нечеткой, полуреальной. «Весьма символично», – подумалось новому руководителю Тайной канцелярии его величества Георга Второго. Все как в ситуации со спровоцированными его подручными событиями в Таридии – вроде бы и операцию довели до логического завершения, и резонанса добились сильнейшего, и в то же самое время основная цель не достигнута, а почти всех исполнителей схватила контрразведка противника и наверняка уже связала с Островами. Вроде бы и успех, но с сильнейшим привкусом провала. И совершенно непонятно, как представлять дело руководству.

Не так лорду Генри виделся финал этой операции, не о том ему мечталось в предвкушении первого громкого триумфа на таридийском направлении. Такой удобный случай, такая великолепная возможность решить целый ворох проблем одним ударом!

– Кэрриган, есть вероятность того, что хоть кто-то из Соболевых испустит дух?

Сидящий напротив агент Кэрриган беспокожно поерзал на своем стуле. Видно было, что он чувствует себя не в своей тарелке, слишком напряжен и не уверен в одобрении своих

действий новым шефом. Это нравилось Хаксли, считавшему, что подчиненных нужно держать в строгости.

– Царевич Федор тяжело ранен, в его выздоровлении доктора не уверены, – чуть растягивая слова от волнения, ответил агент, – царь Иван, к сожалению, точно выживет.

– А Бодров цел и невредим? – задумчиво произнес лорд, некстати вспоминая сгинувшего в прошлую военную кампанию Олстона. Тот с маниакальным упорством охотился именно за этим князем из ближайшего окружения наследника престола и, несмотря на все ухищрения и возможности агента тайной службы его величества, потерпел крах.

– Князь Бодров арестован Сыскным приказом, как я понимаю, его заподозрили в попытке дворцового переворота. Но вряд ли это надолго. Не совсем же они там идиоты.

– Да, на такое везение рассчитывать не приходится, – в голосе лорда прозвучало легкое сожаление. – Хотя в Рангорне же получилось недавно.

– Ну, – осторожно возразил Кэрриган, – фигуры донна Эрнесто Кастильо и князя Бодрова вряд ли сопоставимы.

– Ты прав, Кэрриган, на сто процентов прав. Хотя и жаль. Так здорово было бы убрать эту занозу руками самих таридийцев!

Надежды на подобный исход действительно было ничтожно мало. Еще недавно задыхавшаяся в «дружеских объятиях» своих соседей Таридия нынче крепла и хорошела на глазах. Разумная внутренняя политика, помноженная на поли-

тическую волю правящего дома, давала поразительные результаты. Экономика росла как на дрожжах, торговля процветала, строились города и дороги, укреплялась армия, появился военный флот. Страна становилась реально опасным конкурентом для Фрадштадта. И, что самое страшное, все эти перемены были не поверхностными, а структурными, пронизывающими континентальное государство сверху донизу. Если оставить все как есть, то через несколько лет банальная смена власти уже не сможет остановить таридийского прогресса, а уж этого Тайная канцелярия его величества допустить никак не могла.

Хаксли знал, что ветераны Тайной канцелярии станут морщить свои аристократические носики и обвинять его в грубой работе. Да, раньше специальная служба Короны предпочитала действовать точно, годами водя за руку назначенную жертву по «правильным путям», чтобы в нужный момент все представилось как самостоятельное и естественное действие исполнителя, без какого бы то ни было влияния извне. Но раньше и жизнь текла размеренно и неторопливо, а не неслась, подобно горной реке в стремнине. Какие времена, такие должны быть и правила игры. Нет сейчас у лорда Генри столько времени на розыгрыш таридийской партии. Да и случай подвернулся из таких, что грех было пройти мимо. Жаль, что не срослось, но из произошедшего нужно выжать все по максимуму.

– В Таридии ведь обострились разногласия между властью

и церковью? – мысли шефа Тайной канцелярии вернулись к взрыву в Ивангороде. – Помнится, и лично к Бодрову у священнослужителей была масса претензий?

– Так точно, шеф. Именно местная инквизиция и участвовала в аресте. К сожалению, никакому влиянию тамошний протоинквизитор не поддается.

– Тем не менее. Сейчас будут выбирать нового патриарха, хорошо было бы, чтобы на него у нас были выходы. И надо бы усилить работу с церковниками вообще – у них большое влияние на население.

– Будет сделано.

Кэрриган ушел, а лорд Генри подошел к огромной карте континента, висящей на стене его кабинета, и, по-прежнему попыхивая сигарой, принялся задумчиво разглядывать Таридийское царство и соседние страны.

Когда-то его предшественник лорд Вулбридж активно разрабатывал планы по смене таридийского монарха, но этим планам по разным причинам не суждено было сбыться. Пробовать сейчас даже не стоит пытаться. Потому что таридийцы подстраховались и изменили закон о престолонаследии, внося туда и особ женского пола. Таким образом, вслед за царевичем Федором в очередь на трон выстроились все его дочери, после чего эстафету принимал младший сын царя Алексей и его дочь. На этом основные ветви Соболевых заканчивались, но никакого облегчения фрадштадтцам это не приносило, ибо дальше шла очередь семьи Бодровых, а

еще дальше – Григорьянских. Наивно было бы предполагать, что кто-либо из этой длинной череды людей, имеющих права на престол, будет придерживаться отличной от нынешней линии поведения в отношении Фрадштадтских островов. А изводить для достижения цели целые семьи слишком долго и дорого. Вот если бы одним махом избавиться от большого числа претендентов – другое дело. Но подрывники просчитались.

– Черт возьми! – пробормотал сквозь зубы Хаксли. – Как хорошо все могло бы получиться!

Такого шанса больше не будет, противник теперь утроит бдительность, а из попавших в плен боевиков контрразведка вытрясет массу доказательств причастности к операции Тайной канцелярии. Скверно, ох, скверно. Скандал! Случись такое при Вулбридже, Хаксли бы лично ратовал за его отставку. Слава богу, что лорд Генри не так давно занял свою должность и еще не успел растратить кредит монаршего доверия. Но все равно нужно быть очень осторожным, выверять каждый шаг, продумывать наперед каждое слово.

– А что, если целью операции представить именно митрополита Филарета? – лорд Генри задумчиво выпустил вверх дымное колечко. – Зачем? А чтобы посеять семя раздора между неугодной Фрадштадту правящей верхушкой и столь популярной во всех слоях населения церковью! И Бодров так удачно попал под подозрение, а царевич Федор временно выбыл из игры. То есть мы имеем полное право заявить, что

поставленная цель достигнута!

Хаксли довольно усмехнулся. Вот и выход из щепетильной ситуации. Если подать дело под таким соусом, то это может сработать. Тем более, если совместить с давно готовящейся улорийской операцией.

Жестко опущенный таридийцами с небес на землю, практически потерявший веру в себя и популярность внутри своей страны, улорийский король Янош продолжал использоваться Коронай в своих целях. Альтернативы ему попросту не было. Введенный таридийцами режим беспошлинной торговли привязал к ним Тимланд крепче любых военно-политических союзов. Сирия только восстанавливалась от организованной не без участия фрадштадтцев междуусобицы. А поскольку верх в этой заварушке взяла именно поддерживаемая Таридией сторона, ждать от нее агрессивных действий против своих верных союзников было бы странно.

Рангорн и Криол находились между собой в состоянии вечной вялотекущей войны, что не мешало им объединять усилия для противостояния с Островами на заморских территориях, а также безбожно корсарствовать по таридийским патентам, нанося значительный вред фрадштадтским купцам. Криол к тому же очень тесно в последнее время сотрудничал с таридийцами, вплоть до совместного освоения Нового Света.

Упланд был не против «потолкаться локтями» за пограничные территории с Тимландом, но до Таридии ему дела

не было.

Арниания традиционно готова была поддерживать Фрадштадт всегда и везде, но ее влияние на материке было ничтожно, равно как и ее возможности.

Вот так и оставался Янош Первый единственным инструментом, годным для реального воздействия на Таридийское царство извне. Да и то его решимость ввязываться в бесконечные войны в интересах Короны зиждилась исключительно на миллионных долгах перед Фрадштадтом. Жить на широкую ногу улорийский монарх любил, а отдавать долги предпочитал жизнями своих подданных.

Хаксли еще раз мысленно построил все имеющиеся факты в только что придуманную им новую картину ивангородской операции и удовлетворенно причмокнул губами. Дело громкое, следовательно, его обязательно вызовут для объяснений в кабинет министров. Но теперь у него есть наготове жизнеспособная версия вполне удачной операции, так что бояться нечего. Обойдется.

3

Игната провели мимо запирающей мою камеру решетки спустя минут двадцать. Я наблюдал за этим, лежа на едва прикрытом соломой каменном ложе. Том же самом ложе, в той же самой камере, где мне пришлось провести несколько незабываемых суток во времена моего первого появления в столице, после поражения от тимландцев. Тогда несправедливое обвинение, а также угроза пыток и казни заставили меня серьезно задуматься о моем месте в этом мире. Сейчас тоже много что нужно было обдумать, не тратить же представившееся время спокойствия и тишины впустую!

Честно говоря, я уже думал, будто застрахован от подобной ситуации. Вроде бы достаточно уже совершил дел на благо новой родины и на военном поприще, и на стезе ускорения технического прогресса. И верность трону неоднократно доказывал, и народ меня на руках готов был носить, и даже Князем Холодом меня прозвали, сравнивая с героем сказок.

Однако народная любовь – она такая: сегодня есть, а завтра уже и нет. Свой героический статус нужно либо подтверждать постоянно, либо умирать в зените славы, чтобы не успели втоптать в грязь. Ни первого, ни второго я делать не собирался, потому что вообще героем себя не считал, старался жить обычной жизнью. Ну как – обычной? С поправ-

кой на положение в обществе, которое обязывает...

Так что не все так просто, жизнь – штука переменчивая, и вовсе не обязательно проигрывать сражения или воровать миллионы, чтобы прослыть негодяем. Недаром же умные люди говорят, что не нужны враги, когда вокруг полно дураков – они все сделают сами. Да как сделают! Качественно, с любовью, так сказать, со всей душой!

В общем, постепенно то тут, то там стали раздаваться отдельные недовольные голоса, обвиняющие именно меня во всякой всячине. Что иноземцев много в стране развелось и через них таридийцы перенимают чуждые им знания и обычаи. Что мода становится «бесстыдной». Что крестьянских детей от работы глупым учением отвлекают. Что продвигаемая мною перепись населения есть истинно сатанинское действие. Дальше рассказывались страшные «достоверные» истории о растрате миллионов рублей на никому не нужные научные исследования, о создании «дьявольских» паровых машин и механизмов. И так далее и тому подобное.

И вот уже снова у меня за спиной маячит инквизиция, шепчутся за углом дворцовые завистники, многозначительно задерживает на мне свой взгляд начальник Сысского приказа, да и народная молва постепенно вторит слухам и раздувает подслушанные домыслы. И как-то так получается, что даже Князь Холод уже начинает упоминаться в невыгодном свете.

Ей-богу, если бы я находился в родном мире на старушке

Земле, то подумал бы, что против меня работает отлаженная пропагандистская машина.

Обидно. Обидно и нелепо сидеть в темнице за то, чего не совершал, и тогда, когда нужно действовать! Торопить следствие по взрыву, обеспечить государю и особенно Федору лучших докторов, проследить за работой правительства в их отсутствие, да и вообще нужно держать руку на пульсе! Известно же, что происходит с государством, если дела в нем идут самотеком. Так что у меня и внутри страны дел непочатый край, и международная обстановка напряженная, требующая пристального внимания. В общем, некогда мне тут прохлаждаться.

– Игнат! – позвал я, подходя к решетке.

– Все в порядке, Михаил Васильевич! – отозвался из одной из соседних камер Лукьянов. – Никто Сашкино исчезновение не заметил. А уж потом я так ринулся к выходу из дворца, что все соглядатаи переполошились. Все по плану.

– Скорей бы! – я вжался лицом в решетку, пытаюсь заглянуть в конец коридора. Но, кроме темноты, ничего там не увидел.

– Скоро уже, – успокоил Игнат, словно мог увидеть мою попытку выглянуть наружу. – Полчаса, не больше.

Потому я и позволил себя так просто арестовать, что был уверен в скором освобождении. Господин Глазков наивно полагал, будто лучше всех знает царский дворец, в особенности все его тайные закоулки, однако это было не так.

В свое время я разобрал одну из стен в своих дворцовых апартаментах и перегородил тайный ход, из которого за мной очень лихо наблюдали сотрудники Сыскного приказа. Никита Андреевич посверкал сердито на меня глазами, но воспрепятствовать не смог. Выждав некоторое время, дабы отучить разыскников вообще ходить в мою сторону ввиду бесперспективности, я велел перенести перегородку чуть дальше, прибрав к рукам вход в одно из ответвлений межстеночного пространства. Выдержав паузу еще в несколько месяцев и так и не дождавшись возражений, я стал запускать туда ловких людей из контрразведки для досконального изучения тайных ходов. Главной трудностью при этом было не заблудиться или обнаружить себя шумом, а не столкнуться в узких коридорах с конкурентами из ведомства Глазкова. В общем, теперь сотрудники Ольховского знали дворцовый лабиринт не хуже красномундирников. Может, даже лучше, потому что знать о некоторых подземных ходах и не перекрыть их – это выше моего понимания. Впрочем, Никита Андреевич ведь сам по тайным тропам не шастает – не по чину ему, а люди его поди про запас оставили эти знания себе, для личного пользования, так сказать. Ну, а если им можно, то почему нельзя мне?

Игнат оказался прав. Минут через тридцать в недрах уходящего в темноту тюремного подземелья раздался едва слышный скрип. Затаив дыхание, я пытался уловить хоть какие-то признаки приближающегося человека, но ничего не

происходило, не было ни звука осторожных шагов, ни колеблющегося света потайного фонаря. Я успел уже уверить себя, будто скрип был лишь плодом моего воображения, когда из темного коридора совершенно бесшумно к моей решетке выплыла одетая во все черное фигура.

– Ваше сиятельство? – настороженно спросил подошедший, не спеша приближаться на расстояние вытянутой руки.

– Так точно! – шепотом ответил я. – Игнат в одной из соседних камер.

– Здесь я! – донесся до меня свистящий шепот Лукьянова.

– Я Архип Лунгин, – сообщил наш потенциальный спаситель, принимаясь ковыряться чем-то в массивном навесном замке. – Нужно спешить: весь город гудит, словно растревоженный улей, повсюду патрули, гвардейцы и красномундирники хватают всех подозрительных личностей и отправляют в городскую тюрьму – до выяснения. И инквизиция очень активничает.

– Еще бы, – усмехнулся я, – отец Пафнутий не может упустить такой шанс проявить себя.

– Мы перебрались на запасную штаб-квартиру. От греха подальше.

– Правильно. Кто знает, что Никите Андреевичу в голову взбредет.

В этот момент произошло сразу несколько событий. В замке что-то щелкнуло, надтреснутый голос из какой-то камеры грязно выругался на «проклятых крыс», а со стороны

входа в подземелье послышался лязг засовов. Как же не вовремя!

Лунгин на секунду замер в нерешительности, но затем аккуратно снял замок и потянул на себя решетчатую дверь.

– Быстрее, ваше сиятельство!

У меня мелькнула было мысль запереть дверь обратно и переждать визит неожиданных посетителей, но кто мог поручиться, что они явились не по мою душу? Нет уж, бежать так бежать!

Мы перешли к камере Игната, где Архип занялся очередным замком, а мне оставалось только тревожно прислушиваться к шуму множества голосов, доносящемуся от начала тюремного коридора. Сколько их там: три, пять? Пожалуй, больше. Вот и свет от горящих факелов заставил тени причудливо плясать на каменных стенах, сейчас визитеры выйдут из-за угла и увидят нас, а Лунгин все возится с замком.

– Уходите без меня, Михаил Васильевич, – обеспокоенно заявил Лукьянов, впечатавший свое лицо между прутьями решетки в попытке разглядеть происходящее в коридоре.

– Восьмая камера по левую руку, ниша во внешней стене открыта, скорее! – поддержал моего ординарца-телохрани-теля Архип.

К счастью, в этот миг замок сдался, дужка выскользнула из петель, и Лунгину пришлось изогнуться всем телом, чтобы не допустить его падения на пол. Игнат тут же толкнул наружу предательски заскрипевшую решетчатую дверь и вы-

скользнул к нам в коридор.

– Это как? А ну стой! – раздался удивленный голос первого появившегося из-за угла коридора человека.

– Стой!

– Стоять!

– Измена!

Что же за невезение такое?! Всего какой-то минуты не хватило нам, чтобы исчезнуть из темницы аккуратно, потихому! Впрочем, не время думать об этом, пока есть возможность убежать, нужно сосредоточиться именно на этой цели. Вот если нас сейчас поймают, это будет грандиозный провал!

Архип припустил по коридору с такой скоростью, что нам с Игнатом стоило больших усилий не потерять в темноте его спину. Считать немедленно пустившихся в погоню преследователей мы не стали, но, судя по производимому шуму, было их никак не меньше десятка. У входа в нужную камеру Лунгин остановился, пропуская нас внутрь. После чего он чиркнул кресалом и швырнул в направлении противника какую-то штуковину.

– Быстро в ход! – крикнул он, бесцеремонно толкая меня в спину.

Уже когда я протиснулся в узкий темный зев потайного хода, в темнице раздался негромкий хлопок, после чего последовала яркая вспышка, от которой даже у меня несколько мгновений рябило в глазах – что уж говорить о находившихся в коридоре. Однако, судя по отчаянной ругани замы-

кавшего наш маленький отряд Архипа, световая граната не возымела нужного действия. То есть оторваться на безопасное расстояние от преследователей нам не удалось, вход в тоннель остался открытым, и сейчас мы по-прежнему имели на хвосте десятков разъяренных красномундирников.

Метров через десять тоннель резко повернул влево, сразу за поворотом пошли узкие и высокие ступени вниз, на такую ступень было очень тяжело ставить ногу, потому пришлось приспособливаться спускаться боком. Слава богу, за лестницей шел относительно ровный участок, где можно было прибавить скорости.

В подземном ходе было темно, тепло и влажно. Передвигаться приходилось, постоянно нащупывая рукой стену, поскольку в такой темени я даже не различал спины бегущего впереди Игната. Местами стены были мокрыми, а под ногами хлюпала вода и чавкала жидкая грязь. Преследователям было проще – они освещали себе путь факелами и постепенно настигали нас.

Вскоре тоннель неожиданно повернул вправо под углом почти девяносто градусов, пыхтение Архипа за моей спиной прекратилось, а спустя пару секунд сзади грохнули один за другим два выстрела. Подземный ход наполнился испуганными криками, стонами и крепкими ругательствами, вслед за чем последовали несколько ответных pistolетных выстрелов, но мы уже были за поворотом, в том числе и быстро нагнавший нас Лунгин. Впрочем, это ненадолго задержало

противника – совсем скоро свет факелов вновь стал неумолимо приближаться.

– Осторожнее, сейчас будет лестница! – прохрипел Архип.

Действительно, впереди виднелись слегка подсвеченные падающим сверху тусклым светом ведущие вверх ступени. Такие же неудобные, как и при спуске.

– Быстрее! – нервно добавил Лунгин.

Тяжело дыша, суетясь и ругаясь сквозь зубы, наша троица вскарабкалась наверх лестницы и через узкую щель в каменной стене вывалилась на свежий морозный воздух. Было раннее утро, начинало светать, но небо было затянуто тяжелыми черными тучами, обещая пасмурный день. Мы оказались в каком-то дворе позади длинного трехэтажного дома со множеством окон по фасаду. Вся территория была огорожена кирпичным забором двухметровой высоты с единственными воротами и встроенной в одну из воротных створок калиткой, а вход в подземелье располагался в месте стыка этого забора со стеной конюшни.

Холодновато, однако, а мы без кафтанов. Пасха в этом году выдалась ранняя, хотя снег недели две как растаял, в последние дни весна отступила под последним отчаянным зимним натиском и температура держалась где-то в районе нуля градусов, а по ночам и вовсе подмораживало.

«Гостиница, – сообразил я, бегло осмотревшись, – гостиница “Сударь” на Сухаревской улице в квартале от городской

крепости».

– Закрывай! – буквально просипел задыхающийся Архип двум закутаным в серые плащи бойцам, но было поздно.

Едва один из встречающих сунулся к проему, как оттуда раздалось несколько выстрелов, заставивших контрразведчика быстро отпрянуть. Второй встречающий, щуплый молодой человек, попытался ткнуть появившуюся в щели фигуру шпагой, однако преследователь оказался парень не промах – парировал длинным кавалерийским пистолетом и тут же швырнул его в оппонента, вынуждая отступить. И, кстати, одет был сей тип вовсе не в красный мундир служащего Сысского приказа, а в монашескую рясу! Из-за его спины показался уже второй монах, а за ним – третий! Что за дела?

– Цветков, Ханеев, задержать! – приказал Лунгин и повернулся в сторону выхода со двора. – Бежим!

Бежать-то дело нехитрое, правда, здесь возникает интересный вопрос: если бы за нами гнались красномундирники – это было бы одно дело, а монахи – совсем другое. Кто они такие и по какому праву явились в подземелье разыскников? Впрочем, без разрешения хозяина в это подземелье и мышь не проскочит, так что с этим вопросом ясность есть – то ли хорошенько припугнуть меня решил Никита Андреевич, то ли и вовсе отдать в лапы инквизиции. А «лапы инквизиции» в данном случае – это как раз вот эти самые молодчики в рясах с военной выправкой и лицами выдавших виды наемников.

Не успели мы пробежать и половины расстояния до открытых ворот на улицу, как очередной выстрел сбил с ног моего ординарца. Игнат тут же попытался подняться, но рухнул наземь без сил.

– Игнат! – я подскочил к Лукьянову, намереваясь помочь подняться, но тщетно. Он был без сознания, на его спине в районе левой лопатки расплывалось красное пятно.

– Уходим, князь, уходим! – Архип настойчиво тянул меня за рукав к выходу со двора.

Но тут меня такая злость взяла, что все доводы рассудка отступили на второй план. Какие-то там приспешники про-тоинквизитора будут гонять меня по улицам столицы и убивать моих друзей? Ну уж нет!

Я выхватил шпагу из закрепленных на спине Лунгина ножен и рванул ворот камзола. Оборванные пуговицы брызнули в стороны.

– Беги на Старопетровскую в дом Григорьянских, это недалеко, – приказал я Архипу, стягивая с себя камзол и наматывая его на левую руку, – скажешь – от меня, в помощи не откажут. Торопись!

– Но, князь...

– Торопись, я сказал!!!

Пихнув Лунгина в сторону улицы и больше не интересуясь его душевными терзаниями, я повернулся к месту разгоравшейся битвы. Здесь все было плохо. Двоих контрразведчиков уже оттеснили от лаза все продолжающие выбирать-

ся оттуда монахи. Всего людей в черных рясах оказалось десять, правда, двоих из них выволокли товарищи, при этом один был совсем плох и лежал без движения, а вот второй, будучи прислонен спиной к стене конюшни, злобно поглядывал на меня своим единственным глазом и спешно перезаряжал пистолет.

Монахи, значит? Чернецы со шпагами? Точно дело рук отца Пафнутия.

С протоинквизитором мы в последние три года сталкивались не раз и не два. Возомнив себя главным ревнителем веры и богоизбранным борцом с ересью, он считал себя вправе самому отделять «агнцев от волков», и несколько раз его подручные хватали и кидали в свои застенки светил науки, инженеров и прочих полезных людей, а мне приходилось «отбивать» их через митрополита или даже царевича Федора. Не будь у меня царского наказа не лезть в дела церкви, давно бы прихватил этого мерзавца да вывел на чистую воду – грешков-то за отцом Пафнутием предостаточно. Но нет: «Церковь сама разберется, не нужно вмешиваться!» А как не вмешиваться, когда вот так, не стесняясь, вставляют палки в колеса? И я ведь даже предупреждал государя Ивана Федоровича, что инквизиция вербует в свои ряды всяких подозрительных личностей под видом послушников, но опять был проигнорирован! Смешно ведь, ей-богу, головорез-то остается головорезом, будь он хоть в мундире, хоть в гражданском платье, хоть в монашеской рясе. В общем, все были

в курсе, все смотрели на этот зреющий гнойник да отмахивались, мол, ничего страшного, само собой пройдет.

А гнойник-то взял и созрел! И сейчас мне придется разбираться с этим нарывом, несмотря на то, что соотношение сил явно не в мою пользу. Эх, нужно было не поддаваться панике! Если бы сразу встали грамотно на выходе, можно было не выпустить чернецов из подземного хода! Но что уж теперь...

Я быстро атаковал наседавшего на шупленького контрразведчика – кажется, Ханеева – монаха в надвинутой на глаза шапке и проткнул ему бок в то самое время, как рухнул наземь с пробитой грудью второй мой союзник – Цветков. Так мы долго не протянем.

Двумя широкими росчерками шпаги я вынудил двоих нападавших отпрянуть от Ханеева и переключиться на меня. Давайте пофехтуем, голубчики! Я не волшебник, но фехтование практикую ежедневно и цену себе знаю. Сейчас вот проверим, чего стоите вы.

Четверо пошли на меня, выстроившись полукругом. Если будут атаковать все вместе, а не как в фильмах, по очереди, то никаких шансов защититься у меня не будет. Но это если на месте оставаться, чего я делать не собирался. Бросившись влево, я разорвал дистанцию с тремя нападающими, чтобы без помехи скрестить шпаги с оказавшимся крайним в этом построении высоким худым рыжим монахом.

Я ударил его по клинку сверху вниз и тут же попытался на-

нести укол в плечо, не достал, подставил под ответный удар левую руку, обмотанную камзолом. Ткань Рыжий не прорезал, но удар был такой силы, что предплечье мое на несколько мгновений онемело. Благо, что и противник настолько вложился в эту атаку, что промедлил с возвратом назад, за что мгновенно получил глубокий укол в живот. Есть!

Отскок влево позволил мне своевременно уйти от атаки сразу двух преследователей. Сделав небольшой крюк и оказавшись рядом с согнувшимся пополам Рыжим, я толкнул его навстречу очередному головорезу. Тот в результате замешкался и схлопотал от меня быстрый укол в правое плечо. Жаль, добить не удалось – ранение подстегнуло его инстинкт самосохранения, заставив очень резко уйти с маршрута моего движения. Я же не мог отвлекаться на преследование, ибо у меня самого на хвосте двое висели, да и за всеми остальными нужно было суметь уследить.

Впрочем, у моего маневра была иная цель – на всем ходу я врезался плечом в плечо одного из троих лжемонахов, пытавшихся прижать ужом вертевшегося Ханеева к забору. Этот толчок спровоцировал эффект домино – первый чернец врезался во второго, второй – в третьего, все на мгновение потеряли равновесие, и контрразведчик вонзил клинок в грудь ближайшего к нему врага. То есть нас теперь двое против пяти.

А, нет, против пяти с половиной – от стены конюшни раздался выстрел, но, судя по ругани соратников, пуля едва не

попала в кого-то из них. А что вы хотели? У кремневых пистолетов медленное не только зарядание, но и сам выстрел – секунда-полторы от нажатия на спусковой крючок до выброса пули проходит. Вот и попробуй попасть при таких исходных данных в хаотично перемещающуюся мишень.

Быстро развернувшись, я отразил атаку самого резвого из преследователей. Чернявый мужчина среднего роста с холодным взглядом слегка прищуренных глаз и длинным шрамом во всю левую щеку вознамерился было насадить меня на шпагу, словно бабочку на булавку, но, встретив отпор, не стал пороть горячку, сразу отступил. Хладнокровный и опытный. Очень опасный тип.

Зато его более молодой и фактурный товарищ, с легким румянцем на пухлых щеках и щегольски загнутыми кверху кончиками усов, в горячке погони совсем забыл об осторожности. Оттеснив бойца со шрамом в сторону, он принялся наскакивать на меня, неистово размахивая шпагой в попытке скорее закончить бой, словно опасался, что кто-то перехватит у него законную добычу. Ну, насчет добычи – это мы еще посмотрим.

Я быстро отступал под натиском молодого щеголеватого бойца в монашеской рясе, снова постепенно забирая влево. Таким образом, боец со шрамом оказывался отделен от меня своим резвым соратником и пока не имел возможности атаковать одновременно с ним. Ранее же получивший укол в плечо чернец тоже не спешил лезть на рожон и вырываться

вперед, так что на эти секунды я получил бой один на один. Чем и не преминул воспользоваться.

Щеголь упустил момент, когда я остановился, и при начале моей атаки только начал тормозить, перенеся весь вес на правую ногу. Я же принял вражеский клинок на обмотанную камзолом левую руку и направил шпагу в лицо оппонента. Тот отклонился всем телом назад, благодаря чему отделался лишь разрезом на щеке, но убрать выставленную вперед ногу он уже никак не успевал, отчего и получил отличный укол в бедро. Монах взвыл от боли, на секунду выключившись из процесса, а я хладнокровно нанес еще один результативный удар в левую верхнюю часть груди. Туше!

Не теряя времени, я отскочил назад, чтобы перевести дух и порадоваться выводу из строя еще одного противника, но радость оказалось недолгой. В этот же самый миг Ханеев в выпад проткнул одного из своих противников насквозь, но замешкался с возвратом в позицию и сам получил чуть меньший по глубине укол в корпус. Какое-то мгновение он еще держался на ногах, прижимая руки к животу, потом колени его подогнулись, и мой последний союзник рухнул наземь рядом с поверженным чуть ранее врагом. Жалко парня, хорошо бился, но силы были слишком не равны.

Вот так я остался один против трех монахов, ну или кто они там на самом деле? Ах да, подранка с пистолетом нужно не забыть. А вот сейчас и займемся этим товарищем!

Подцепив носком сапога весьма кстати подвернувшееся

под ногу полено, я запустил его в полет навстречу приближающимся чернецам, возглавляемым товарищем со шрамом, а сам бросился к стене конюшни, где наградил раненого стрелка хорошим ударом эфесом шпаги по голове. Правда, это мое действие не осталось безнаказанным, потому что, как я ни старался увернуться от шпаги разделавшегося с Ханевым головореза в рясе, ее острие впилось-таки мне в тело чуть пониже левой ключицы. Клинок вошел в плоть всего на несколько сантиметров, но было больно, так что лишь с большим трудом мне удалось сдержать крик – не хотелось доставлять удовольствие врагам. Достаточно самого факта попадания и вида крови на моей одежде.

– Есть! – вскричал монашек, внешностью, как мне показалось, чрезвычайно похожий на крысу.

Я поспешил отступить за угол конюшни, чтобы не оказаться зажатым в угол превосходящими силами противника.

– Молодец, Микола! – воскликнул тот боец, что был уже ранен мною ранее. Сейчас все трое оставшихся на ногах посланцев протоинквизитора медленно наступали на меня, стараясь перекрыть максимально возможное число путей для отступления.

– Смотри-ка, Степан, а кровушка-то у князьки красная! – насмешливо протянул Микола, обращаясь к бойцу со шрамом. – А говорили, у Князя Холода в жилах лед, а взгляд такой, что заморозить может!

– Ну, сейчас-то он скорее расплавить нас взглядом хо-

чет! – отозвался подранок. Он, кстати, в отличие от своих товарищей, держался напряженно – то ли рана давала о себе знать, то ли изначально был не очень уверен в своих силах.

– Полноте, князь, – голос Степана звучал абсолютно спокойно, если не сказать вальяжно, но вот его прищуренные глаза по-прежнему наблюдали за мной с холодным интересом матерого хищника, – сдавайтесь, вы и так сделали уже больше, чем было возможно. В отличие от большинства дворян, вы действительно вызываете уважение, и, пожалуй, один на один я бы не рискнул выйти против вас. Но штука-то вся в том, что нас трое, а вам больше не на кого рассчитывать. И сразу вам скажу: мы втроем стоим десятка таких, что вы уже уложили.

– Странно слышать такие речи от духовного лица, – я пользовался передышкой на эти импровизированные переговоры, чтобы восстановить дыхание и сбросить напряжение в мышцах, – в пении псалмов я с вами состязаться не собираюсь, так и вы не пытайтесь состязаться со мной в фехтовании.

– Тише, тише, князюшка! – снова ухмыльнулся похожий на крысу Микола. – Просто поверьте, что шансов у вас нет. Пойдемте с нами по-хорошему, и мы обещаем замолвить за вас слово перед протоинквизитором!

У меня и до этого-то особых сомнений не было касательно того, чьи это люди, а тут уж и вовсе все ясно стало. Побоялся-таки Никита Андреевич меня сам трогать, решил деше-

венькую комедию разыграть. Якобы люди протоинквизитора в его отсутствие забрали меня из темницы Сыского приказа в свои подземелья. А там уже по ситуации – может, просто запытали бы меня до смерти, а может, в самый разгар процесса явился бы весь такой взволнованный и возмущенный самоуправством инквизиции господин Глазков и спас меня от неминуемой смерти. Чтобы, значит, я по гроб жизни благодарен ему был.

Дешевые фокусы, дражайший Никита Андреевич! Нет в вас размаха, разгула воображения и полета фантазии. Тоже мне комбинация! Впрочем, с Глазковым, а также с отцом Пафнутием разберемся чуть позже. Сейчас у меня тут три товарища в очереди стоят, и обойти их своим вниманием никак не получится.

Я выдохнул изо рта струйку пара, только сейчас обратив внимание на чрезвычайно морозную для второй половины апреля погоду. Мало того, что морозец на улице, так еще и снежинки этак лениво, словно нехотя, кружатся в утреннем воздухе, будто в очередной раз подчеркивая мою связь с Князем Холодом. Я подставил под снежинки обмотанную уже изрядно порубленным камзолом левую руку. На синей ткани белые снежинки смотрелись особенно эффектно. Что я потеряю, попытавшись сыграть на такой погодной аномалии? Да ничего!

– Необычайно морозная погода для конца апреля, не так ли? – произнеся это, я нарочито улыбнулся и отряхнул ру-

ку. – Отличное утро для смерти, господа монахи!

Степан остался невозмутим. Разве что уголок рта немного дернулся, но понять, что это было – попытка выразить мне свое презрение или подавленное на корню желание расхохотаться во все горло – не представлялось возможным. А вот крысоподобную физиономию Миколы улыбочка как-то вдруг покинула. Да и третий участник, перехватив шпагу в левую руку, принялся нервно вытирать внезапно вспотевшую ладонь о рясу. Ну, хоть что-то.

Я пошел в атаку, сосредоточившись на противнике со шрамом на лице и стараясь держать в поле зрения персонажей, которых счел второстепенными на данный момент. Степан вынужденно отступил на несколько шагов, но дальше дело застопорилось – защищался он на редкость грамотно, а я был слишком стеснен в маневрах, чтобы ставить перед ним неразрешимые задачи. Тем более что и остальные монахи не сидели без дела.

Боец, чьего имени я до сих пор не знал, попытался атаковать меня справа, но стоило мне только отмахнуться, как он поспешил разорвать дистанцию. Хитрец Микола пока только обозначал угрозу, постепенно двигаясь вдоль стены конюшни по левую от меня руку. Отпускать его далеко было нельзя, поскольку в таком случае я перестану его видеть, и тогда все закончится очень быстро.

Я усилил натиск на Степана, заставив того отступить еще на пару шагов, после чего метнулся влево, сбил клинок Ми-

колы в сторону резким батманом и попытался поразить его в корпус. Тот ушел из-под удара, отскочив назад, но я, спеша воспользоваться мгновениями свободы от других участников боя, прыгнул следом, отбил левой рукой попытку нанести мне режущий удар слева направо, затем сделал еще шаг вперед и ударил его эфесом шпаги в подбородок. Стена конюшни была уже у Миколы за спиной, потому увернуться он не сумел – стукнувшись затылком о стену, упал наземь. Тут бы и добить его хорошим ударом шпаги, да времени не хватило. Пришлось срочно разворачиваться к его товарищам, чтобы не быть заколотым в спину.

Несколько неприятных мгновений я отражал атаки сразу двух противников, да еще имея прямо за спиной пресловутую стену, за которой слышалось фырканье разбуженных шумом лошадей, после чего удалось подловить самого опасного из оппонентов на небольшой небрежности. В результате острое моего клинка оставило кровавый росчерк на лбу Степана, принеся мне такую необходимую передышку, ибо это вынудило отступить обоих монахов.

– В следующий раз подставь правую щеку! Для полноты картины! – воскликнул я, намекая на возможность заполучить шрамы на всех частях лица.

Степан молча провел рукавом по лбу, не столько вытерев, сколько размазав выступившую кровь, и полез левой рукой под рясу. Не нравится мне это, но стоять и гадать, чего он там извлечь хочет на свет божий, я не буду. Тем более что у

меня тут недобитый должничок имеется.

Я метнулся влево, где успевший отползти к углу конюшни Микола уже поднялся на ноги и активно сплевывал кровь из разбитого рта, злобно поглядывая в мою сторону. Как же вытянулось от страха его лицо при виде приближающейся смерти в моем обличье! Шпагу-то он перед собой успел выставить, да только толку от этого не было никакого – не оклемался чернец от предыдущего нокдауна и к новой схватке готов не был. В следующее мгновение его клинок взмыл в воздух, а мой вошел в его тело, после чего я сбил его с ног плечом и отбежал примерно на то место, с которого начал этот бой.

Что там с Игнатом? Кажется, он немного в другой позе лежит, да и дышит вроде. Жив! Только бы геройствовать не решил, с этих головорезов станется – прикончат, если заподозрят, что очухался. С другой стороны – должны понимать, что сейчас только он меня здесь держит. Не честь дворянская, не жажда мести, а именно он! Пусть меня засмеют и тысячу раз обругают господа прагматики, но раненого Игната я на милость врагов не оставлю. Да, выход на улицу у меня за спиной, в каких-то десяти метрах, и вряд ли эти убийцы в рясах смогут догнать меня в городе. Да, я сам мог бы добежать до дома Григорьянских и получить помощь, но в это самое время кто-то из врагов может тихонько прикончить моего беспомощного товарища. Так что – нет, не побегу, иначе до конца жизни себе не прощу этого малодушия.

Опустив шпагу к земле, я стоял и ждал неторопливо приближающихся чернецов. Сколько времени прошло с начала стычки? Неужели Лунгин еще не добрался до усадьбы Григорьянских? Что так долго? Или мне только кажется, что минула целая вечность с момента ухода Архипа? Эх, помощь бы мне сейчас не помешала! Одно дело – тренироваться в фехтовании, и совсем другое – серьезный уличный бой со смертельным исходом. Подустал я, дышу, словно загнанная лошадь, сердце тарабанит в груди, пот по телу льется, а в венах бушует адреналин. И правая рука наливается тяжестью, что совсем уж нехорошо, потому как прилично фехтовать левой я так и не научился.

Вот и мои «заклятые друзья» из инквизиции подтянулись к месту новой баталии. Им тоже нелегко пришлось: дышат тяжело, отфыркиваются, один кровь с лица утирает, другой левой рукой зажимает рану на плече. Но все-таки их двое. Да еще вон у Степана в руке появился кинжал-дага с раскрытой ловушкой. Если память мне не изменяет, в нашем мире такая дага с двумя боковыми клинками, расходящимися в стороны от основного, называлась немецкой. Этакий трезубец получается в раскрытом виде, которым можно парировать удары и задерживать на мгновение вражеский клинок для проведения своей атаки. Говорят, что и сломать чужую шпагу можно, но это как-то сомнительно, крепление боковых клинков выглядит достаточно хлипко.

Степан провел несколько напористых атак, в которых его

единственный оставшийся в строю товарищ пытался играть вторым номером. Результатом этого наступления стал мой отход на несколько метров, неприятное рассечение на правом предплечье от человека со шрамом на лице и легкий укол, пропущенный мною от второго монаха в левое бедро.

Через минуту дело усугубилось порезом на правом боку – это уже Степан постарался. Зато я достал безымянного монаха рубящим ударом по запястью, отчего бедолага выронил шпагу.

И тут помощь пришла, откуда я ее никак не ожидал. Поспешивший пойти вперед, чтобы отвлечь мое внимание от временно обезоруженного соратника, Степан внезапно оказался схвачен за лодыжку лежащим на земле Игнатом, запнулся и накренился вперед, так что мне оставалось только вытянуть руку со шпагой вперед, чтобы оборвать земной путь мерзавца – удар пришелся в район сердца.

Не мешкая ни мгновения, я повернулся к последнему врагу, с шипением и ругательствами вынужденного взять шпагу в левую руку. Однако, увидев смерть несомненно самого умелого из своих товарищей, он счел свои шансы на успех слишком ничтожными и бросился наутек. Тем более что в этот момент находился на пару шагов ближе меня к выходу со двора.

Но удача, похоже, окончательно отвернулась от представителей инквизиции, потому что в каком-то метре от ворот последний чернец оказался сбит с ног вбежавшим с улицы

Григорьянским.

Вслед за князем Василием во двор гостиницы ворвались еще по крайней мере два десятка вооруженных людей, половина которых была в форме Зеленодольского пехотного полка.

– Игнат, ты как? – спросил я у своего телохранителя. Тот в ответ только вяло махнул рукой. Мол, все нормально, жить буду.

– Миха! Миха!

Я обернулся на источник звука и обнаружил князя Григорьянского, с выпученными глазами обзирающего боле битвы.

– Чего кричишь?

– Это все как? – он в удивлении развел руками.

Что ж, картина действительно была заслуживающей внимания. Хмурое морозное утро, лениво кружащиеся в воздухе снежинки, гостиничный двор, заваленный телами, и я, в окровавленной рубашке, со шпагой в руке, посреди всего этого безобразия.

– Чертов ты Князь Холод! – восхищенно воскликнул Григорьянский. – Простые смертные не способны на это!

– Иди к черту, Григорьянский! – бросил я сердито. – Ты бы еще дольше заставил себя ждать, нашел бы здесь мое хладное тело! Плохо бегаешь, Вася!

– А что, собственно, происходит? Я всего на пару часов отлучился домой, а ты успел попасть в тюрьму, бежать отту-

да и сцепиться с инквизицией! – князь емко обрисовал мои приключения за вторую половину этой длинной ночи.

– Забираем всех живых и быстро к тебе. У нас много дел, дружище. Очень много дел!

4

Из города выбирались верхом. Благо что сплошной городской стены у Ивангорода уже давно не было. В верхах до сих пор хватало «гениев фортификации», ратовавших за постройку новой сплошной стены и готовых угробить во имя великой цели несколько лет и большую часть бюджета страны. Полная глупость и пережиток прошлого!

Столица разрасталась в стороны с такой скоростью, что никакими стенами охватить ее уже не представлялось возможным. Для защиты же от возможного вторжения вокруг Ивангорода были построены военные городки, откуда расквартированные там части имели возможность быстро развернуться в нужном направлении и связать боем противника до подхода основных сил. Вот в один из таких городков и лежал наш путь.

Мои раны наскоро обработал домашний врач Григорянских, Игната пришлось оставить под его же присмотром. К сожалению, Ханееву и Цветкову помочь уже было невозможно. От Ольховского должны были прибыть люди, забрать тела погибших товарищей, а также прихватить оставшихся в живых лжемонахов – ох, зря вы так, господин протоинквизитор! Теперь-то я точно не спущу это дело на тормозах, и плевать мне на взаимоотношения с церковью!

Я был на ногах уже больше суток, и это были, мягко го-

вора, непростые сутки. И тревожили меня сейчас не полученные в бою раны, а накопившаяся усталость, но позволить себе потратить хотя бы час времени на сон я не мог. Нельзя было упускать инициативу – Никита Андреевич не будет сидеть сложа руки.

С удовольствием проделал бы этот путь в карете, но тогда пришлось бы выбирать для передвижения только широкие улицы, где вероятность повстречаться с патрулями была очень велика. А вот перекрыть все возможные пути выхода из города для небольшого отряда из двух десятков всадников видится задачей невыполнимой.

Сначала пришлось удалиться от центра в сторону западной окраины, потом мы долго петляли по границе жилых кварталов и района мануфактур, являвшегося своеобразным прародителем городских промышленных зон, постепенно смещаясь к северу. При пересечении улицы Северной, за пределами города переходящей в Кузнецкий тракт, с трудом разминулись с патрулем красномундирников. А вот перейдя в восточную часть Ивангорода, уже почувствовали себя свободнее – здесь было много новостроек, затеряться среди которых не составляло особого труда.

Выбравшись за город, мы пустили коней в галоп. Вплоть до самого военного городка местность здесь тянулась открытая, и если уж где-то можно было перехватить меня, так это здесь. Но то ли мои оппоненты еще не сумели сориентироваться в изменившейся обстановке, то ли у них элементарно

не было под рукой достаточных сил для противодействия, но никакой засады на нашем пути не случилось. Лишь на въезде в военный городок Восточный дежурный офицер предупредил нас:

– К нам красномундирники пожаловали!

– Много? – поинтересовался князь Григорьянский.

– Офицер и два солдата, – охотно поделился новостями дежурный, – с полчаса как прибыли, да мы их тут держали, пока от коменданта приказ пропустить не поступил! Они злились, бумагой с печатями размахивали, но мы – ни в какую! Пусть у себя в Сыскном приказе командуют.

– Отлично, поручик! Благодарю за службу! – похвалил я дотошного офицера, въезжая под арку ворот.

– Рад стараться, ваше сиятельство! Все по уставу!

Правильно, все по уставу! Разыскники есть служащие Сыскного приказа, а не Воинского, так что пусть тут своими бумажками с печатями не размахивают. Это во дворце нам приходится кроме званий и должностей учитывать еще положение при дворе и родственные да дружеские связи, а здесь все просто и ясно: разрешат вышестоящие командиры войти в городок, значит, войдете, не разрешат – извольте отправляться восвояси.

Мы-то как раз были для дежурной смены вышестоящим начальством, потому никаких заминок с пропуском не возникло, и, промчавшись мимо тренирующих штыковой удар солдат, спустя пару минут мы уже входили в здание штаба.

В приемной царила напряженная обстановка. Помещение было заполнено армейскими офицерами разных полков, обеспокоенно перешептывающимися и бросающими откровенно неприязненные взгляды на сиротливо стоящих в углу двоих красномундирников. Бедняги явно чувствовали себя не в своей тарелке, но так все и было задумано.

При нашем появлении все разговоры мгновенно стихли, офицеры замерли по стойке смирно.

– День добрый, господа офицеры! – на ходу поприветствовал я собравшихся.

– Здравия желаем, господин генерал-лейтенант! – гаркнул в ответ хор мужских голосов.

А в кабинете коменданта городка, которым сейчас являлся мой давний знакомец полковник Торн, разыгрывался другой акт этого спектакля. Майор Чусовой нервно расхаживал по комнате, заложив руки за спину, а Филипп Христофорович сидел за столом, невозмутимо глядя на посланца Глазкова сквозь напяленное на нос пенсне. Предъявленный красномундирником документ одиноко лежал на столешнице перед полковником.

– День добрый, Филипп Христофорович! – я пожал руку попытавшегося вскочить Торна, одновременно сделав ему знак, что он может остаться сидеть.

– Не такой уж добрый, Михаил Васильевич, – полковник все-таки поднялся и лихо щелкнул каблуками, – судя по успевшим дойти до нас слухам, так вообще не добрый.

– Вы, как всегда, правы. Но мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы не усугубить ситуацию. Что тут у вас? – я по-хозяйски потянул со стола бумагу за подписью Глазкова.

– Да вот, – Торн махнул рукой в сторону замершего посреди кабинета Чусового, – господин из Сысского приказа пытается указывать нам, что делать.

– А, майор Чусовой! – воскликнул я, делая вид, что только что заметил его присутствие. – Мне кажется или вы уже арестовывали меня сегодня? И что же? – я небрежно взмахнул бумагой. – Опять то же самое: задержать, арестовать, доставить! Обвинение в убийстве патриарха, покушение на жизнь государя! Как же мне надоела вся эта чушь!

Поддавшись эмоциям, я разорвал приказ Никиты Андреевича на маленькие кусочки и подбросил в воздух. Замысловато кружась, частички важного документа упали на пол. Зря. Нужно было сохранить – вдруг бы в качестве улики пригодился?

– Служба, ваше сиятельство! – выдавил из себя майор. – Я только выполняю приказы своего командира.

По его обескураженному виду можно было заключить, что он никак не ожидал встретить меня здесь. Скорее всего, ставка делалась на Северный военный городок, где сейчас был расквартирован мой родной первый Белогорский пехотный полк. Только этот вариант был отвергнут мною сразу, как самый очевидный.

– Понимаю вас, господин Чусовой, да только и вы нас пой-

мите, – я направился было к майору, чтобы усилить эффект от своих слов, произнеся их, глядя ему прямо в глаза, но вовремя вспомнил, что тот чуть не на голову выше, и остановился у края стола. – Здесь подчиняются распоряжениям начальника Воинского приказа, а не Сыскного! А поскольку Федор Иванович из-за вражьих происков временно не может исполнять свои обязанности, значит, в данный момент вся полнота власти в Воинском приказе принадлежит мне, как первому заместителю его высочества. Следовательно, мы тут имеем полное право послать вас с незабвенным Никитой Андреевичем далеко и надолго.

– Как вам будет угодно, ваше сиятельство! – угрюмо отозвался Чусовой.

– Но мы сделаем по-другому! – я усмехнулся, поскольку не собирался задерживать красномундирников против их воли, но и не отпускать раньше времени. – Мы отправимся в столицу вместе с вами, майор! Вы, мы с князем Григорянским, а также третий Белогорский пехотный полк и два эскадрона кузнецких драгун в придачу.

– Но, ваше сиятельство! – воскликнул Чусовой, видимо, желая упрекнуть меня в попытке захвата власти.

– События сегодняшней ночи обязывают меня ввести усиленные меры безопасности! – отрезал я. – Полковник Торн, будьте добры отдать нужные распоряжения, а я пока напишу приказы для комендантов других военных городков!

Вот так, Никита Андреевич! Слишком много на себя бе-

рете! Я-то отдаю себе отчет, что меня не вся страна любит, но вас-то любят еще меньше, а мой авторитет в армии просто несопоставим с вашим. Так что в ближайшие часы я переверну ситуацию обратно с головы на ноги.

В Ивангород мы вошли около двух часов пополудни если не под приветственные крики публики – все-таки настроения в городе после ночных событий были испуганно-настороженные, то не без ноток одобрения уж точно. Слухи об аресте разыскниками Князя Холода и его чудесном побеге из застенков уже распространились среди горожан, а что подчиненные Глазкова, что служители инквизиции не пользовались любовью в народе. Так что на меня, шествующего во главе армейских колонн, жители столицы смотрели с восхищением и надеждой.

Войти в крепость не составило особого труда. Распоряжений на мой счет Никита Андреевич отдать не удосужился – видимо, не ожидал от меня подобной прыти, а усиленные наряды дворцовой гвардии пропустили меня без особых проблем, поскольку в отсутствие государя подчинялись опять-таки руководству Воинского приказа.

Однако же я не кинулся сразу искать Глазкова во дворце, а отправился прямиком в свои покои, к жене и сыну. Уж это явно поважнее будет сведения счетов со старым параноиком.

Превозмогая вновь навалившуюся усталость, я взбежал к себе на этаж и постучался в запертые двери.

– Кто там? – донесся до меня обеспокоенный голос Иван-

никова.

Слава богу! Значит, Сашку красномундирники не тронули, а он, предупредив Ольховского, не побоялся вернуться во дворец.

– Открывай, Сашка! Я вернулся. Все в порядке!

– Ваше сиятельство, слава богу! – Щелкнул замок, дверь распахнулась, явив моему взору вооруженного обнаженной шпагой и пистолетом моего секретаря.

– Здесь все нормально? Княгиня дома?

– Миша! Слава богу! – появившаяся из внутренних покоев Натали бросилась в мои объятия, но тут же отстранилась, внимательно оглядев меня с ног до головы. – Ты ранен!

– Пустяки. Вот Игнату досталось. Пришлось оставить его у Григорьянских дома. Павлуша как?

– Все хорошо, я велела его сегодня не выводить на улицу.

– Правильно сделала. Царский дворец временами бывает чертовски опасен для проживания. Наверное, стоит готовиться к переезду в свой дом, а то близость к трону когда-нибудь сыграет с нами злую шутку.

Вопрос о переезде поднимался у нас не единожды, но каждый раз что-нибудь мешало принять решение о переселении. Жить во дворце было не так уж удобно, а учитывая рождение сына и увеличившийся штат прислуги, еще и достаточно тесно, но престиж и близость к центру принятия решений пока перевешивали. У нашей семьи, объединившей наследство Бодровых и Ружиных, были обширные владения в

Холодном Уделе и Корбинском крае, но поскольку большую часть времени мы проводили в столице, то пришлось озаботиться и здесь покупкой участка под строительство своего дома. В данный момент он уже был почти готов – близились к завершению отделочные работы. Так что уже можно было плюнуть на небольшие неудобства и съехать из этого вертепа. Тем более что новый дом, первым в столице, был оснащен водопроводом и местной канализацией.

– Я все сделаю, – супруга взяла меня под руку и отвела в угол комнаты, подальше от чужих ушей. – Миша, прошу тебя, будь осторожен! Глазков – сволочь изрядная, но ты же знаешь его помешанность на соблюдении интересов Ивана Федоровича! Государь не простит, если ты расправишься с ним. А из-за протоинквизитора могут быть большие неприятности с церковью.

– Не волнуйся, дорогая, – поспешил я успокоить Наталью, – для меня сейчас главное – обеспечить Федора лучшим лечением, какое только может быть. Ты знаешь, мне не нужна власть, мне нужна возможность делать нашу страну лучше и сильнее. И сейчас нужно реагировать на наглое покушение на жизни государя и наследника и смерть митрополита и других отцов церкви, а не устраивать междоусобицы. Так что крови не будет. По крайней мере, на моих руках. Но и совсем оставить действия этой парочки без внимания тоже нельзя.

– Ты выглядишь очень уставшим, может, стоит поспать

несколько часов, потом браться за дела?

Бойтся, что глупостей наделаю. Да нет, я уже все продумал. И остыть успел. Если бы мне отец Пафнутий или Никита Андреевич попались сразу после боя в гостиничном дворе, может, я и дал бы волю эмоциям, а сейчас – нет. Глазкова нужно аккуратно «придушить», «перекрыть ему кислород», чтобы не мешал работать. А вот протоинквизитора пора убирать с политической доски, этот товарищ совершенно невменяем и недоговороспособен. Чего доброго, еще в выборы нового патриарха влезет, а это нам совсем не нужно. Долго я его терпел, но произошедшее сегодня ранним утром – это уже далеко за гранью дозволенного. Никто не давал права инквизиции создавать бандформирование, да еще впускать его членов в царский дворец и натравливать на людей.

– Не волнуйся, Натали, – я аккуратно поднес ее руку к губам и поцеловал, – всего несколько важных распоряжений, и я вернусь. Действительно нужно поспать, ночка выдалась убойная.

Небрежно произнося фразу «несколько важных распоряжений», я словно намекал на простоту предстоящих дел, однако же все было совсем не так.

Перво-наперво я вызвал во дворец доктора Георга Карловича Мейнинга. Однажды он уже спас жизнь царевичу Федору, почему бы не попробовать еще раз? После того случая в поместье графа Измайлова по моей рекомендации бывшего фрадштадтца, а ныне подданного Таридии привлекли к

преподаванию сначала в Южноморском, а потом и в Ивановском университете, потому вызвать его во дворец оказалось делом несложным.

Убедить личного врача семьи Соболевых Ивана Юрьевича Ракитина прислушаться к мнению Мейнинга тоже было нетрудно, а зная деликатность и дипломатичность Георга Карловича, не приходилось сомневаться, что два профессионала скорее найдут общий язык, чем будут с пеной у рта доказывать верность именно своей точки зрения.

Далее я посетил канцлера и утвердил его во мнении, что правительство должно выполнять свою работу, несмотря на события последних дней. Все должно идти своим чередом, государственный механизм должен работать безостановочно.

Затем мы вместе с начальником Посольского приказа Арбениным набросали текст ноты протеста, которую он должен был сегодня же вручить фрадштадтскому послу.

После Посольского приказа пришла пора пообщаться с главными редакторами двух пока единственных печатных изданий страны: «Вестника» и «Известий». При кажущемся сходстве тематики и названий «Вестник» считался газетой сугубо проправительственной, доносящей до широких масс взгляды и идеи правящей верхушки. «Известия» же те же самые новости подавали в более легковесной манере, позволяя себе иногда делать выпады в сторону более консервативных коллег и каждый выпуск завершая публикацией новинок

от местного поэтического цеха. Смешной для человека двадцать первого века набор отличий в местном обществе создавал иллюзию серьезного противостояния, чем и привлекал дополнительное внимание к обеим газетам, обеспечивая им бешеную популярность. На людях и главные редакторы, и корреспонденты «Вестника» и «Известий» смотрели друг на друга косо и разговаривали исключительно «через губу», но, когда я вызывал издателей пред свои светлые очи, оба дружно выслушали мои пожелания и наставления, без ссор и ругани. Объяснялось это очень просто – самим своим существованием газеты были обязаны мне и финансировались из государственной казны.

Сегодня я в полной мере воспользовался своим кураторством прессы, изложив редакторам нужную версию происшествий. Ответственность за взрыв пороховой мины я целиком и полностью возлагал на фрядштадтских шпионов, а свой побег из застенков Сыскного приказа подал как нападение разбойников, прикрывавшихся именем святой инквизиции, на спешившего по государственным делам в сопровождении офицера свиты и двух служащих контрразведки князя Бодрова. Особый упор делался на назначение пожизненных пенсий семьям погибших и оплату образования их детям за мой личный счет – народ должен знать, что я всегда забочусь о своих людях, даже после их смерти.

После газетчиков я встретился с главами контрразведки Ольховским и внешней разведки Буровым. Сначала по от-

дельности, потом с обоими вместе. С расследованием взрыва по большому счету было уже все ясно, требовалось быстро сделать ответный ход, дать понять островитянам, что возмездие за подобные выходки будет быстрым и неотвратимым. Несколько проектов по Фрадштадту у нас уже были в работе, но выводить их на решающую стадию еще было рановато. А вот провести небольшую акцию устрашения, которая бы идеально вписалась в общую картину нашей большой игры, – в самый раз. Посмотрим еще, кто кого, но, видит бог, не мы это начали!

Только разобравшись со срочными делами, я нашел время для Глазкова. Да и то вышло это случайно.

Я знал, что начальник Сысского приказа в помещениях своей службы отсутствует и что территорию царского дворца он не покидал, но выяснять его местоположение я не приказывал. А тут зашел в покои государя осведомиться о состоянии здоровья и нос к носу столкнулся с бледным и взъерошенным Никитой Андреевичем. При нем было трое красно-мундирников, со мной – офицер и три солдата охраны. Кроме того, в комнате находились еще двое слуг и горничная. В воздухе явственно запахло грозой, все присутствующие на мгновение замерли в немой сцене.

– Каково состояние государя? – холодно осведомился я, глядя в упор на главу разыскников.

– Слава богу, опасности для жизни нет. Врачи говорят, что дней через десять Иван Федорович сможет вернуться к

исполнению своих обязанностей.

Сказано это было нервно, но с вызовом и даже небольшой долей злорадства в голосе. Боится господин Глазков, сильно боится, прикрывается именем государя в надежде, что я испугаюсь монаршей реакции на свои действия. Святая наивность! Никита Андреевич напоминал мне сейчас пешеходов, переходящих дорогу не глядя по сторонам, но с осознанием своей правоты и в полной уверенности, что все автомобили уступят им дорогу. Много ли толку будет от такой правоты, если кто-то из водителей не успеет затормозить? Так и в этом случае: поможет ли Глазкову обращенный на меня царский гнев, если он уже дней десять, как будет мертв? Смешной, ей-богу.

Вдвойне смешной, учитывая тот факт, что мне гораздо выгоднее сейчас с пользой для себя использовать его напуганное состояние, а не заморачиваться мстью.

– Господа, будьте добры, оставьте нас наедине с Никитой Андреевичем! – обратился я сразу ко всем присутствующим. Дважды просить никого не пришлось. Даже красномундирники поспешили покинуть помещение, не дожидаясь кивка со стороны своего начальника.

– Бодров, ты понимаешь, что это все... – Глазков сделал нервный жест рукой, долженствующий, видимо, указать на все плохое, творящееся прямо сейчас по всей Таридии, – попытка государственного переворота? Ты осознаешь, каковы будут последствия для тебя?

Начальник Сыскного приказа, как всегда, фамильярничал, позволяя себе обращаться ко мне не по этикету. Ну да бог с ним, меня мало заботили такие вещи, хотя я мог бы давно ткнуть его носом в это дело, да еще при обществе, чтобы уж наверняка проняло.

– Одна древняя народная мудрость гласит, что все беды государства идут от плохих дорог и дураков. Так вот, с плохими дорогами мы уже успешно боремся, как бы нам еще дураков извести!

– Что-то я не припоминаю такой народной мудрости, – нахмурил брови Никита Андреевич.

– А у тебя вообще память короткая, – я решил тоже плюнуть на приличия, обращаясь к оппоненту исключительно на «ты». – Я-то думал, что мы с тобой давно друг про друга все поняли и пришли к состоянию равновесия. Но проходит совсем немного времени, и ты все начинаешь сначала. Неужели мало я сделал для Таридийского царства? Неужели мало я доказывал свою верность трону, что ты раз за разом подзреваешь меня в измене? Сколько еще раз нужно сказать, что я не рвусь к власти, что меня вполне устраивает та роль, что отведена мне сейчас?

– Лукавишь, Михаил Васильевич, ох, лукавишь! – Глазков погрозил мне пальцем и тут же утер носовым платком выступившую на лбу испарину. – Не устаешь кричать на каждом углу, что власть тебе не нужна, а сам с каждым днем все больше ее под себя подгребаешь! Уже и наследник трона

под твоим влиянием находится, я уж не говорю про царевича Алексея и Григорьянского – те вообще пляшут под твою дудку!

– Они мои друзья, а друзей не заставляют плясать под свою дудку, как ты выражаешься! Друзья – это особые люди, им можно доверить даже самое дорогое, их не бывает много и потому их нужно беречь. И я всегда, по возможности, стараюсь это делать. Что же до власти, то в сотый раз повторю, все мои усилия направлены на благо страны, а не на мое собственное благо.

– Слишком велико стало твое влияние, князь, потому и спрос с тебя вырос. И соблазны твои тоже выросли.

– Да пошел ты к черту! – не выдержал я, заставив испуганно замолчать раздухарившегося было Никиту Андреевича. – Короче, Склифосовский! – вырвалась у меня фраза из всеми любимого фильма, заставившая Глазкова нервно озираться в поисках непонятого и таинственного Склифосовского. Пришлось исправиться: – Короче, Глазков! Я готов закрыть глаза на твою очередную глупость с подозрениями на мой счет. Но я не хочу слышать даже намека на оправдания по поводу проникших в подземелье бандитов протоинквизитора! А потому будь добр немедленно арестовать отца Пафнутия и разорить все его разбойничье гнездо!

– Но...

– Если этого не сделаешь ты, то я сделаю сам. Но ты ведь понимаешь, сколько он даст показаний против тебя, коли по-

падет в мои руки? Займись этим немедленно! Протоинквизитор дел натворил столько, что уже на пожизненную каторгу хватит, а то и на отсечение головы! Там и потеть-то сильно над доказательствами не придется. Сделай это, Никита Андреевич, и можешь не опасаться за свою жизнь! В отличие от тебя я понимаю, что сейчас нам с внешним врагом разбираться нужно, а не междоусобицы затевать!

– Да поймите вы, Бодров, – воспрял было духом Глазков, получивший возможность сменить неприятную для себя тему, – вы своими громкими разоблачениями втянете нас в очередную войну! Даже если это сделали фраздштаттцы, нужно обстоятельно во всем разобраться, хорошенько продумать каждый шаг и тихо, без огласки, нанести ответный удар.

– Надо же, какие здравые мысли! – показушно восхитился я двуличию своего оппонента. – Как меня обвинять, так тебе ничего не нужно! Виновен априори, так сказать!

– Да разобрались бы во всем! – небрежно махнул рукой Никита Андреевич, вновь пытаясь проскочить мимо неудобной темы с людьми протоинквизитора. – В прошлый раз же разобрались!

Терпение мое не беспредельно. У меня аж в глазах потемнело от желания немедленно съездить главе сыска по физиономии. Как легко у него все получается: чуть какое подозрение, так Бодрова в тюрьму, а там и разбираться можно начать! А в остальных делах лучше не спешить! В войну я,

видите ли, страну втяну! Как будто эта война уже не идет! Взрыв пороховой мины в центре нашей столицы – это что, не война? Или то, что Фрадштадт профинансировал формирование в Улории целой армии из наемников и вновь толкает Яноша Первого на ссору с нами, является секретом для кого-то? Обдумать, подготовиться... Можно подумать, мы с царевичем Федором ни о чем не думаем и ничего не предпринимаем, а тупо бьем баклуши в ожидании следующего удара! Нечего вообще лезть в чужие дела, когда свои далеки от порядка!

Видимо, я не совсем совладал со своим лицом, отразившим обуревающие меня эмоции. Потому что Глазков испуганно отшатнулся. Но нет, и здесь я сумел взять себя в руки:

– Будьте добры заниматься внутренними делами и не лезть в международную политику! Не ваше это дело! – на этой фразе я невольно запнулся, поймав себя на том, что вернулся к обращению на «вы» с главным красномундирником. Вот что воспитание делает – хочу нахамить и не могу! – Завтра утром, Никита Андреевич, первой новостью, услышанной мною, должна быть новость об аресте нашего верховного инквизитора. Очень вам не рекомендую разочаровывать меня! Спокойной ночи!

Хотя время еще только приближалось к семи вечера, я решил отправиться-таки на отдых, потому что силы мои были уже на исходе и усталость от таких бурных суток брала свое. Движения давались с трудом, и сосредоточиваться на

какой-либо мысли становилось все труднее.

Все срочные дела я переделал, помочь Федору оправиться от ран я сам, к сожалению, не могу, а вот обеспечить во время болезни царевича продолжение его политики постараюсь. Ближайшие пять-шесть дней – при поддержке верных мне штыков, а там царевич Алешка из Бобровска примчится, и через него уже можно будет действовать вполне законно. А еще я одного из двух своих главных недоброжелателей в столице натравил на другого.

Что ж, пора и честь знать! Это были очень длинные сутки, и, клянусь богом, я заслужил этот отдых!

Хаксли пребывал в скверном настроении. Доклад-то у премьер-министра о подрыве пороховой мины в Ивангороде прошел более-менее успешно. Хотя ему и поставили на вид, что в таких случаях целить следует в неуютное Короне руководство чужой страны, а не мудрить с чересчур сложными комбинациями, но, в общем, итог операции признали вполне успешным. Только присутствовавший при докладе предшественник Хаксли лорд Вулбридж хитро улыбался, усердно пряча лицо в клубах сигарного дыма.

Ехидный старик! Никак не может простить лорду Генри, что тот подвинул его с должности. Несмотря даже на то, что ушел он фактически на повышение, ибо нынче курировал в парламенте вопросы национальной безопасности. Понял все старый лис, сразу все понял! Впрочем, это неудивительно – наверняка ему и самому не раз приходилось выкручиваться подобным образом из щекотливых ситуаций. И промолчал Вулбридж тоже не из лучших побуждений, за это молчание Хаксли теперь должен будет оказать хитрецу какую-то услугу – коли уж ввязался в большую игру, то будь добр держать удар. И никогда не забывать, что она ведется на множествах направлений, каждый свой шаг в ней нужно многократно выверять и постоянно просчитывать огромное количество комбинаций.

Эх, не так лорд Генри представлял себе службу в должности начальника королевской Тайной канцелярии! Уверен был, что со своим умом, энергией и блестящим образованием он с легкостью решит все вопросы, ставившие в тупик его престарелого предшественника. Однако же действительность оказалась гораздо менее радужной, и ситуация с каждым днем становилась все сложнее и запутаннее. Вызовов становилось все больше, и Хаксли все сильнее приходилось напрягать свои извилины, чтобы оставаться на плаву. Иногда у него даже возникало ощущение, будто он стал маленьким человечком, суматошно движущимся по свежему льду и прилагающим огромные усилия, чтобы не поскользнуться, не дать разъехаться ногам в стороны, а то и вовсе не провалиться под лед.

По большей части виноваты во всем этом были проклятые таридийцы! Со всеми остальными соседями по континенту велась достаточно успешная работа, а эти никак не желали успокаиваться и делали все, чтобы вырваться из нужной Фрадштадту колеи. В необычайно короткий срок они превратились в главного оппонента Благословенных Островов на континенте и не собирались останавливаться на достигнутом. Таридия бурно развивалась во всех направлениях, и если поначалу на Островах это вызывало лишь презрительную усмешку и обзывалось «жалкими потугами деревенщин», то сейчас градус обеспокоенности достиг такой величины, что уже самые разные слои фрадштадтского общества требовали

от Короны остановить зарвавшихся континентальных соседей. Слишком уж во многих сферах подданные таридийского царя стали переходить дорогу фрадштадтцам. Крестьяне и ремесленники, купцы, землевладельцы и промышленники – все теряли доходы из-за быстро растущих конкурентов, а казна недополучала налоги.

Но то, что Таридия становилась конкурентом, было только половиной беды. Кроме всего прочего, правящая верхушка этой страны была еще и крайне враждебно настроена по отношению к Фрадштадту. Да, можно было сказать, что подданные Короны сами провоцировали таридийцев на неприязнь постоянным вмешательством в свои дела, но тут дело было в разности мировоззрений. Острова почти сотню лет были величайшей державой мира и считали себя вправе навводить порядки на отстающем от цивилизации материке. Ни для кого не было секретом, что все подданные Короны, начиная с короля Георга Второго и заканчивая самым захудалым крестьянином из Кавендиша или угольщиком из Труро, свято верили в свою избранность и превосходство над другими народами, а любое посягательство на свое положение полагали не иначе как бунтом.

Не сказать, что другим государствам нравилось такое положение вещей, но Фрадштадт всегда умел внушать к себе уважение, не особо стесняясь в выборе средств. В разное время жестко «приводились в чувство» и Улория, и Криол, и Рангорн, да и та же Таридия, но в этот раз дело застопори-

лось.

В стране сложилась уникальная ситуация, когда вокруг безвольного и по большому счету безобидного царя сплотилась целая шайка молодых, амбициозных и патриотически настроенных представителей высшего дворянства во главе со старшим царевичем. Контролируемое этой группой лиц правительство проводило на редкость эффективные реформы, стимулирующие и торговлю, и производство, и сельское хозяйство. За несколько лет была перевооружена таридийская армия, приведены в порядок финансы, заложен военный флот. Внешним врагам, покушавшимся на интересы Таридийского царства, был дан отпор на всех направлениях, в том числе досталось и Фрадштадту, причем на море!

Беспокойные соседи открыли у себя сразу три университета и целенаправленно переманивали к себе светил науки, медицины, лучших художников, поэтов, скульпторов. Не жалели денег на научные разработки, всячески поощряли технический прогресс и не боялись внедрять новинки. В первую очередь в войска. Результаты уже давали о себе знать: таридийские ружья и пушки превосходили по своим характеристикам фрадштадтские, а таридийский порох активно теснил на рынках своего фрадштадтского конкурента.

Но и это еще было не всё. С недавних пор таридийцы занимались активным сколачиванием на материке коалиции, враждебной по отношению к Короне. На сегодняшний день к ней уже присоединились Тимланд, Силирия, Криол и Ран-

горн. Причем с Силирией все было ясно с самого начала – правящий дом Бржиза вернул себе власть над страной при активной поддержке таридийцев, плюс государства связал династический брак царевича Алексея и княжны Стефании. Криол с Рангорном удалось примирить ради борьбы с общим врагом, а вот прежде верный и послушный союзник Фрадштадтских островов Тимланд был настолько впечатлен выгодами беспошлинной торговли с восточным соседом, что без колебаний переметнулся на сторону врагов короля Георга Второго.

Не то чтобы Благословенные Острова боялись военного вторжения от этой коалиции, хотя потенциально такая перспектива существовала. Тут дело было в том, что Фрадштадт был самой густонаселенной страной цивилизованного мира, имея при этом слишком маленькую территорию. И благодаря этому обстоятельству сильно зависел от поставок продовольствия с континента. Так вот, новоиспеченные союзники стали активно манипулировать поставками жизненно важных товаров, то безбожно задирая цены, то сильно урезая количество, а то и вовсе отказываясь торговать с Островами.

Пока огромный торговый флот Короны справлялся с этой проблемой, хотя цены на многие товары все-таки прилично повысились. Но уже имелись сведения, что Таридия активно выкупает будущий урожай пшеницы у Уппланда, являющегося основным поставщиком зерна на Острова. То есть име-

ются все основания опасаться будущей зимой столкнуться с дефицитом хлеба! И это только сведения по пшенице, а еще под угрозой были поставки мяса, корабельного леса, смолы, пеньки и парусины, селитры и железной руды. Да черт знает еще чего!

С такими угрозами никто в мире прежде не сталкивался! Враги вели игру по каким-то новым правилам, до конца Хаксли не понятным, а оттого еще более опасным.

Как бороться с новыми вызовами? Ясно, что необходимо как можно прочнее привязать к себе хотя бы оставшихся союзников. Но это скорее задача правительства, а не Тайной канцелярии. Здесь люди Хаксли в силах лишь оказать фрадштадтским дипломатам посильную помощь. А вот на чем они могут сосредоточить максимум своих усилий – так это попытаться подорвать авторитет организатора коалиции. Нужно, чтобы Таридия потерпела военное поражение, и в контексте этой задачи тяжелое ранение царевича Федора было как нельзя кстати. Вот если бы еще вывести из игры князя Бодрова – уже можно было бы считать полдела сделанным. Ведь эти двое являются главными заводилами всех внутренних и внешних процессов страны, без них и армия, и реформаторское правительство окажутся обезглавленными. И весьма спорный вопрос, кто из них более важен для таридийцев. Олстон вот считал, что Бодров, а Хаксли до сих пор уверен, что молодому удачливому князю нужно отводить лишь второе место в списке врагов Фрадштадта.

Лорд Генри вздохнул. Реализовать тяжело. Таридийцы тоже не дремлют, второй раз взорвать пороховую мину не позволят. Служба охраны и контрразведка у них и так работают неплохо, а в связи с недавним покушением меры безопасности еще усилены. Правда, можно ведь не покушение устраивать, а выставить противника в невыгодном свете. Вариант с предательством можно, пожалуй, исключить, а вот с попыткой захвата власти стоит попытаться удачу. Добавить сюда же обвинение в чрезмерных тратах казенных денег, которой даже если нет, доказать всегда можно, и «отшлифовать» парой-тройкой леденящих кровь слухов про общение намеренной жертвы с дьяволом, пытки раненых и прочую белиберду, не годящуюся для серьезного дела, зато на ура воспринимаемую чернью. Для общей картины было бы полезно. Говорят, что таридийский монарх оправится от ран гораздо быстрее своего неугомонного старшего сына, а значит, будет возможность подать ему информацию о Бодрове так, как нужно лорду Хаксли. То есть Фрадштадту.

– Купер! – довольный своей задумкой, лорд Генри позвонил в колокольчик и, дождавшись появления секретаря, распорядился: – Купер, срочно зови Кэрригана, Дженингса и Тэйлора! Есть для них работенка!

Через час вызванные служащие покинули кабинет начальника. Задачи были поставлены, зоны ответственности распределены, и подчиненные отправились к себе разрабатывать детальные планы. Настроение начинало понемногу вы-

правляться. Хаксли решил закрепить успех хорошей сигарой и приятными новостями.

Закурив, лорд расслабленно откинулся на спинку мягкого кресла и развернул свежий номер ежедневной газеты «Время» на странице с бюллетенем о стоимости акций. «Золотой поток» демонстрировал уверенный рост. Сегодня можно было продать приобретенные по рекомендации знающего человека акции по пятьдесят семь фунтов за штуку, сделав солидную прибавку к своему состоянию. У лорда Генри буквально руки чесались совершить сделку по продаже, но все тот же специалист советовал не спешить.

– Может, все-таки продать? – задумчиво протянул Хаксли, выпуская к потолку аккуратные табачные кольца. – А может, и повременить пока...

Эдуард Артур Уильям Герберт, герцог Кемницкий, надвинув на самые глаза простую черную треуголку, глядя исключительно себе под ноги, торопливо шагал по Сент-Джеймской улице. Молодой человек принадлежал, пожалуй, к самой захудалой ветви правящей на Благословенных Островах династии Пембрук. Настолько захудалой, что казна выделяла на содержание последнего представителя некогда знатного рода жалкие триста фунтов в год, которых едва хватало на аренду небольшого дома и жалованье прислуге, состоящей всего из двух человек.

Не будь Эдуард членом королевской семьи и двадцать каким-то претендентом на престол, этой суммы вполне хватало бы для жизни, но положение обязывало посещать некоторое количество церемоний и приемов, да и отказываться от всех без исключения выходов в свет тоже было бы верхом невоспитанности. Все это влекло за собой немалые расходы на гардероб, парики, содержание собственного экипажа и прочую ерунду, что ложилось тяжким грузом на плечи рано потерявшего родителей молодого человека.

Экипажем он старался пользоваться как можно реже, сама карета стояла во внутреннем дворике, время от времени требуя расходов на окраску и лакировку, лошадей же и кучера герцог приспособился нанимать в тех случаях, когда уж

никак без своего транспорта обойтись было нельзя.

К сожалению, не все проблемы с расходами удавалось решить сходным образом, потому немногие еще уцелевшие фамильные драгоценности редко покидали стены ломбардов, а количество кредиторов неуклонно росло. Хуже всего, что толку от всех этих ухищрений было не так уж много – слухи и сплетни в высшем свете распространялись с сумасшедшей скоростью, да и опытный глаз богатых бездельников мгновенно подмечал малейшие несоответствия высокой моде или этикету. Так что, несмотря на все его старания, отношение к Эдуарду было презрительно-снисходительным.

Дело можно было бы поправить выгодной женитьбой, но и тут родство с королевской фамилией играло для молодого герцога отрицательную роль. Потому что августейший дядя постоянно придержививал своего дальнего родственника для какого-нибудь важного международного брака, желая, по своему обыкновению, заработать на этом и деньги, и политическую выгоду. А с недавних пор положение Эдуарда Герберта осложнилось еще и яркими романтическими чувствами, вспыхнувшими между ним и Анной Клер.

Девушка была молода, умна, кажется, искренне влюблена в Эдуарда и всячески поддерживала предмет своего обожания. Но семья девушки принадлежала к нетитулованному дворянству и была так бедна, что надеяться на сколько-нибудь серьезное приданое не приходилось.

Несмотря на это, герцог был так увлечен, что готов был

променять родство с королевской семьей на личное счастье. Однако его желания не находили отклика в королевском дворце, а решиться на полноценный бунт не позволяло более чем стесненное материальное положение.

Когда по всему Фрадштадту началась лихорадка с акциями «Золотого потока», у герцога Кемницкого зародилась надежда на решение проблем, он кинулся занимать деньги, но ростовщики тоже не желали упускать свою выгоду и установили просто грабительские проценты, сократив при этом до минимума сроки возврата денег. Попытав счастья в нескольких местах, в каждом из которых встречал изрядные очереди из таких же страждущих заемщиков, он по рекомендации одного знакомого обратился к барону Альберту. Так состоялось его знакомство с этим удивительным и загадочным человеком, которое, однако же, еще неизвестно куда могло завести малоискушенного в житейских делах молодого вельможу.

Денег барон Альберт герцогу дал, правда, немного, но категорически запретил связываться с «Золотым потоком» и его основателем господином Макферсоном, чем сильно озадачил Эдуарда и Анну – вся столица прекрасно помнила, что он одним из первых поддался соблазну легких денег. Ходили слухи, что благодаря игре на бирже он всего за две недели удвоил свое состояние, подняв волну ажиотажа до небывалых высот. Еще совсем недавно барон демонстративно сорил деньгами, поил прохожих шампанским, вместе с друзьями

ми-аристократами носился по ночным улицам на золоченой карете. А потом вдруг все переменялось: эксцентричный богач продал свои акции, вслед за ними избавился от кареты, восторги свои по поводу доходности «Золотого потока» поумерил и даже стал осторожно высказывать мнение о порочности такого рода заработков.

Неизвестно, отчего вдруг взгляды Альберта изменились на диаметрально противоположные, но молодому герцогу Кемницкому довелось попасть в дом барона именно в этот переломный момент. Эдуард не мог толком объяснить, почему поддался влиянию этого человека, почему так безоговорочно поверил ему? Может, потому, что ни в жестах, ни во взгляде, ни в голосе барона ни разу не проскочил даже намек на презрение или снисходительность к нему?

Благодаря новому знакомцу в карманах герцога стали водиться хоть какие-то деньги. Правда, за это молодому человеку время от времени приходилось делать не очень приятные вещи. А именно на всех приемах, при любом выходе в свет Эдуард должен был твердо озвучивать мнение, что деньги не могут браться из ниоткуда и что за ажиотажным спросом на акции «Золотого потока» кроется какая-то афера.

Над ним все смеялись, крутили пальцем у виска, презрительно кривили губы при его появлении. Дражайшие родственнички, близкие ко двору, специально приглашали Эдуарда на свои светские рауты, чтобы развеселить других гостей.

Сегодня же герцог Кемницкий побывал в редакции крупнейшей фрадштадтской газеты «Время», где под насмешливыми взглядами репортеров повторил весь этот бред про сомнительность бесконечного роста цен на акции.

– Вчера его величество через доверенных лиц приобрел акции «Золотого потока» на пятьдесят тысяч фунтов, – криво улыбнулся один из ведущих репортеров, чьи статьи часто печатали на первой странице. – Не хотите ли вы сказать, что он тоже ничего не понимает в финансах?

– Мне об этом ничего не известно, – коротко ответил Эдуард и поспешил откланяться.

Ему не показалось – едва за ним закрылись двери редакции, как внутри раздался оглушительный взрыв хохота. И теперь молодой человек, на все лады проклиная своего «благодетеля», спешил укрыться в родных стенах. Ему казалось, что абсолютно все встречные, даже дворники и чистильщики обуви, насмешливо смотрят на него и тычут пальцами вслед.

Ввалившись в свою парадную, он спешно затворил за собой дверь и, устало привалившись спиной к стене, просто-напросто:

– Боже! За что ты посылаешь мне такие испытания?!

Но в следующий миг из глубины дома до него донесся едва слышный вскрик, и всю усталость и безысходность с герцога сняло как рукой. Показалось, что кричала Анна, и Эдуард, позабыв обо всем, бросился внутрь жилища.

Ворвавшись в гостиную, герцог застал там немую сцену,

как оказалось позже, им же самым и спровоцированную. Анна, как всегда прекрасная даже в своем скромном платье, стояла у окна, испуганно прижав руки к груди. Из противоположного угла комнаты, полуобернувшись к входу, изумленно изогнув бровь, на него взирал барон Эндрю Альберт.

– Боже мой, ваша светлость, что стряслось? – видя возбужденного герцога Кемницкого, обеспокоенно воскликнул он, а Эдуард мимоходом отметил для себя, что в голосе Эндрю Альберта впервые на его памяти действительно прорезались хоть какие-то эмоции.

– Что случилось, Эдуард? – в глазах девушки плескалось такое море любви, а голос был настолько переполнен обожанием и тревогой за него, что молодой человек моментально успокоился.

Ничего страшного не произошло, просто его встревожил вскрик Анны и он решил, что в довесок ко всем его неприятностям какое-то несчастье произошло еще и с любимой. К счастью, это было не так. Здесь, в этом доме, был единственный на всем свете уголок спокойствия, где он мог скрыться от внешних невзгод. Здесь его любили и беспокоились за него.

– Мне показалось, что ты кричала, – тяжело дыша, произнес Эдуард и шагнул к Анне.

– Прости меня, прости! – девушка доверчиво прижалась к его груди. – Я действительно вскрикнула. Но это была реакция на слова барона. Я не могу принять то, что он пред-

лагает!

– Барон! Я никогда не поверю, что вы предложили Анне что-то недостойное!

– Я всего лишь сказал, что уладил вопрос с вашей свадьбой, – бесстрастно пожал плечами барон, – насколько я помню, вы оба к этому стремились.

– Да, но отец Анны...

– ...как порядочный человек, не считал себя вправе давать согласие на заведомо неравный брак, не имея возможности дать дочери хоть какое-то приданое, – поспешил перебить молодого человека Альберт. – Мы с отцом Анны обо всем договорились. Приданое будет. Также есть договоренность с настоятелем одной церквушки на окраине столице – вас обвенчают хоть через неделю после объявления о помолвке.

– Барон! – сквозь слезы промолвила девушка. – Я вам очень благодарна за участие в наших судьбах и прекрасно понимаю, откуда взялось приданое, но есть ведь еще король и его планы на будущее Эдуарда!

– О да. Увы! – уныло прошептал Эдуард.

– Послушайте, ваша светлость! – резко возразил барон. – Вы говорите так, будто чем-то обязаны королевской семье! Поймите вы уже – не будет у вас никакого счастья, если не будете за него бороться! Его величество никогда не согласится на этот брак, но и предотвратить его никак не сможет, будучи поставленным перед фактом! Буря негодования, несо-

мненно, будет, возможно, вас даже лишат тех жалких денег, что выделяются сейчас на ваше содержание, но так ли это все критично для вас и непоправимо? Эдуард, будьте уже мужчиной и решайте наконец, что для вас страшнее: вызвать неудовольствие Короны или потерять госпожу Анну?

– Я не могу позволить, чтобы Эд жертвовал своим будущим из-за меня! – всхлипнула Анна.

– Не будет у него никакого будущего, если он и дальше будет столь же нерешителен!

– Довольно! – резко выкрикнул герцог. – Довольно! Я все давно решил! К черту короля и его семью, я выбираю Анну! Что нужно делать?

– Вот это другой разговор! – барон одобряюще улыбнулся, и герцог Кемницкий неожиданно испытал радость от того, что заслужил похвалу этого человека.

– Но, Эдуард, это погубит тебя! – вновь воскликнула девушка, снова пытаясь принести себя в жертву.

– Перестань, Анна! Барон тысячу раз прав! За счастье нужно бороться! – он отстранил девушку от себя и резко повернулся к Альберту: – Хотелось бы только знать, зачем это нужно вам, барон? А то, знаете ли, следование вашим советам уже привело к тому, что надо мной весь Фрадштадт потешается! Сегодня в редакции «Время» мне сообщили, что сам король купил акции «Золотого потока», и практически смеялись мне в лицо!

– Вот как? – барон в задумчивости потер пальцами вис-

ки. – Интересно! Если, конечно, это правда.

– Барон! Я жду объяснений!

– Ах да. Объяснений. Что ж, извольте.

Заложив руки за спину, Эндрю медленно прошелся вдоль стены гостиной. Затем резко развернулся, оказавшись лицом к лицу с Кемницким:

– Можете считать меня самодуром или скучающей эксцентричной особой, – медленно промолвил он, спокойно глядя при этом Эдуарду в глаза, – но правда заключается в том, что мне симпатичны вы, а большая часть местного высшего общества, напротив, не вызывает у меня ни малейшей симпатии. Я считаю, что такой умный, скромный, здравомыслящий и великолепно воспитанный молодой человек, как вы, ваша светлость, должны занимать гораздо более высокое положение в этой лживой и развращенной богатствами стране. Вы знаете мою историю. В свое время мне много чего обещали, и я пошел против таридийских властей. Но в итоге все, что для меня сделал Фрадштадт, так это соблаговолил выгнать с каторги, а дальше пришлось всего добиваться самому. Я многого достиг, но хочу еще большего! Я достоин общения с первыми лицами государства, но путь в их общество для меня остается закрыт. Что бы я ни делал, для них я остаюсь всего лишь недостойным внимания чужаком!

– Но чем же я могу вам помочь? – испуганно прошептал молодой герцог.

– Мой ум заслуживает лучшего применения, ваша светлость, – твердо заявил барон, – поэтому я заставлю эту страну считаться с вами, подниму ваш престиж до таких высот, что сам король Георг будет вынужден считаться с вами. А вы за это позволите мне находиться рядом с вами, на какую бы головокружительную высоту ни забрались в итоге.

– Вы что же, хотите посадить меня на трон? – Эдуард в ужасе схватился за голову. – Вы меня погубите!

– Ну-ну, герцог! – барон Альберт ободряюще похлопал молодого человека по плечу. – На такое вряд ли стоит замариваться. Но вот считаться с вами мы заставим. И обещаю вам, что смеяться над вами больше никто не посмеет.

– Каким же образом может помочь делу объявление помолвки? – робко протянула Анна Клер, все еще не веря в свое счастье.

– Завтра в двенадцать часов к вам придут газетчики из «Вечерних новостей», – охотно принялся объяснять барон, – им вы и объявите о своей помолвке. Более того, через газету пригласите на свое венчание всех желающих. Это будет двойная сенсация и беспроигрышный ход: представитель королевской семьи женится по любви на девушке не из высшего света и приглашает стать свидетелем этого события каждого, кто пожелает. Простой люд оценит этот шаг, и небывалый аншлаг вам будет обеспечен. Это же станет гарантией от возможного чрезмерного давления на вас из королевского дворца: отмена вашего содержания тут же станет достоя-

нием всей страны и выставит Корону в плохом свете, а попытка арестовать вас, «чтобы одумались», и вовсе вызовет волнения.

– А что дальше? – спросил Эдуард, напряженно пытаясь переварить предложение барона.

– Дальше вам придется еще больше работать с газетчиками, – увлеченно продолжил Эндрю, – а я всегда буду помогать вам правильно себя вести и поднимать нужные темы, касающиеся улучшения жизни граждан Фрадштадта. Уверяю, что уже завтра над вами перестанут смеяться, хотя к «Золотому потоку» мы будем еще обращаться не раз. Через месяц газетчики будут выстраиваться в очередь, чтобы получить ваши комментарии о происходящем в мире, а через два месяца сам король будет завидовать вашей популярности.

– Мне страшно, – едва слышно прошептала Анна, – разве такое возможно?

– А вот это целиком и полностью зависит от вашего возлюбленного, – барон Альберт устремил испытующий взор на молодого человека, – Эдуард Артур Уильям Герберт, готовы ли вы жениться на любимой женщине, готовы ли вы бороться за свое счастье, готовы ли вы стать настоящим герцогом Кемницким?

– Готов! – твердо ответил Эдуард.

Спустя час барон покинул дом Кемницкого. Планы на ближайшие дни были намечены и проработаны, решимость молодых людей следовать им более не подлежала сомнению.

Пройдя до конца квартала по тротуару, Эндрю бросил внимательный взгляд на улицу и не обнаружил никаких подозрительных личностей. Это радовало, но расслабляться не стоило.

Повернув за угол, он направился в сторону центра, по пути всматриваясь во все встречные экипажи. Наконец, ближе к концу второго квартала барон решительно взмахнул рукой, останавливая чем-то приглянувшийся ему транспорт.

Два квартала барон хранил осторожное молчание, после чего, еще раз внимательно оглядев улицу, негромко промолвил:

– Они готовы.

– Не отступятся? – не оборачиваясь, спросил возница.

– Любовь – великая сила, – без тени улыбки ответил Эндрю Альберт, – ради друг друга они сделают то, на что не пойдут из-за денег, страха или уязвленной гордости. Мне бы не хотелось, чтобы они пострадали в результате наших действий.

– Центру они нужны сильными и влиятельными, так что все в ваших руках, барон. Не оплошаете вы – и у ваших подопечных все будет хорошо.

– Еще группы будут? – после минутного молчания осведомился барон Альберт.

– Насколько знаю – нет. Не стоит сейчас рисковать, будем пока справляться теми людьми, что уже прибыли.

– Хорошо. Для меня еще задачи будут?

– Сделайте из герцога влиятельную фигуру. Мы будем информировать вас о происходящем, чтобы вы имели возможность всегда быть на шаг впереди всех.

– Отлично. Я сойду на углу, – пассажир протянул вознице монету, – все сделаю в лучшем виде.

– Из Центра просили передать, что очень ценят вашу работу. Удачи, барон!

Оставшись один, Эндрю Альберт вдохнул воздух полной грудью и поднял глаза к яркому южному солнцу. Нельзя было сказать, что он видел всю складывающуюся политическую картину целиком, но и от того, что мог осмыслить, захватывало дух. Ставки в большой игре явно шли на повышение, и не чурающемуся азартных развлечений Воротынскому это очень даже нравилось. Пожалуй, теперь он готов был согласиться с утверждением, что служить родной стране можно и вот так, не проливая кровь на полях сражений.

– Что ж, сыграем на повышение, – прошептал он себе под нос и, безмятежно вертя в руке трость, направился в сторону дома графини Соммерсмит, где каждый день собиралось весьма приличное общество. Жизнь уже приучила барона к тому, что информацию нужно получать из всех доступных источников.

Несмотря на насыщенные событиями сутки, полученные ранения и накопившуюся усталость, уснуть мне удалось далеко не сразу, а потому следующий рабочий день начался для меня только в одиннадцать часов утра. Подозреваю, что попытки достучаться до меня предпринимались и раньше, но были безапелляционно пресечены Натальей Павловной. Впрочем, если бы было что-то действительно серьезное, она бы обязательно разбудила меня. Уж кто-кто, а дочь последнего владельца Корбинского края умела отличать важные вопросы от рядовых.

Надо отдать должное Никите Андреевичу: на арест протоинквизитора он все же решился. Выбора я ему практически не оставил, но для меня все же было предпочтительнее, чтобы это сделало его ведомство, а не подконтрольная мне контрразведка.

– Разворошили целое осиное гнездо! Полтора десятка дושегубов, скрывавшихся от закона под монашескими рясами, арестованы вместе с отцом Пафнутием! – радостно сообщил мне Иванников за завтраком. – А по городу, между прочим, ползут слухи, что протоинквизитора сам дьявол попутал против Князя Холода пойти, да силенок не хватило!

– Григорянский небось руку приложил, – хмыкнул я совершенно бесстрастно. Князь Василий иногда откровенно

перебирал со стремлением любое событие в моей жизни объяснить родством с известным сказочным персонажем, но сейчас был тот случай, когда я готов был смириться с любыми параллелями, лишь бы они помогли удержать ситуацию под контролем. – А что газеты?

– Как вы и приказали, основное внимание уделено пасхальному взрыву. Народ готов рвать фрадштадтцев в клочья. От греха подальше пришлось усилить охрану их посольства и торгового представительства. Происшествие с вами подано кратким сообщением о нападении разбойников.

– Правильно, пусть пока будет так, – удовлетворенно кивнул я. Минимум информации – максимум слухов, а потом поглядим, в какую сторону повернуть ситуацию. – По Игнату и погибшим ребятам что?

– Пособия выписаны, пенсион семьям оформляется, Игнат перевезен в ваш новый дом, лекарь сказал, что через месяц будет как новенький.

– Хорошо, а что фрадштадтцы?

– О! – Сашка восторженно закатил глаза. – Арбенин такой жути на посла нагнал, что тот выскочил от него красный, словно вареный рак! Потерял по пути парик и даже не заметил этого! Так спешил в посольство! А буквально через полчаса посольский курьер помчался в сторону Южноморска.

Что ж, пусть мчится. Дорога на юг у нас сейчас отличная, с почтовыми станциями через каждые двадцать километров, сменными лошадьми, постоянными дворами и прочей придо-

рожной инфраструктурой. Быстро доберется, коли не будет лениться. Маховик процесса запущен, и если вести до королевского дворца дойдут раньше, чем состоится наша ответная акция, то у островитян будет какое-то время для возмущения и усмешек, направленных на своего северного соседа, в очередной раз посмеявшегося не только поднять голову, но и повысить голос на Благословенные Острова. Пусть возмущаются и смеются, все равно получают заслуженный акт возмездия. У меня давно руки чесались повторить опыт южно-морского сражения с воздушными шарами, да все достаточного повода не находилось. А теперь фрадштадтцы сами мне его предоставили.

Готовиться к этому мы начали еще три года назад – когда на волне успеха после победы под Южноморском над надменными «королями морей» тихонько прихватили себе небольшой бесхозный архипелаг, расположенный к юго-западу от Фрадштадта. Постоянного населения на островах не было, но раз в год, во время то ли сезонной миграции, то ли нереста какого-то вида промысловой рыбы, они становились временной базой фрадштадтских рыбаков, да иногда потрепанные штормом корабли заходили туда для срочного ремонта.

В общем, островитяне никогда особо архипелагом не интересовались. Вот мы и воспользовались этим обстоятельством. Так что к тому времени, когда до короля Георга дошли слухи о захвате Закатных островов таридийцами, над

ними уже не только развевался наш флаг, но и был сооружен деревянный форт, возведены земляные укрепления, завезено и расселено полтысячи солдат и около сотни семей добровольных переселенцев.

Прибрежные воды вокруг архипелага изобилуют скалами, и подойти к берегу спокойно для бомбардировки укреплений или высадки десанта кораблям весьма проблематично – нужно буквально продирается сквозь каменный лабиринт. Так что наши имеющие малую осадку маневренные галеры имели там безусловное преимущество перед большими парусными судами, что и было однажды продемонстрировано сунувшемуся к одному из островов вражескому фрегату.

Плодородной земли на Закатных островах совсем мало, а располагается архипелаг в стороне от основных морских путей, так что после того случая фрадштадтцы, взвесив все «за» и «против», окончательно махнули на него рукой – у Короны имелась масса дел поважнее. Таким вот образом Таридия обзавелась маленькой морской базой в непосредственной близости от фрадштадтских земель. Вот оттуда-то и планировался наш небольшой акт возмездия.

Впрочем, я бы и на этот раз воздержался от демонстрации всему миру возможностей пусть пока примитивнейшего, но воздушного флота, если бы не острая необходимость отвлечь внимание жителей Островов от другой масштабной операции, сулившей Таридии неплохие прибыли. Так что группе Василия Кипельникова, два года крутившейся по морям во-

круг Фрадштадтских островов с целью скрупулезного изучения местной розы ветров, была дана отмашка на старт с Закатных островов.

Потянулись напряженные рабочие будни. Как всегда в ожидании продолжения какого-то события, мне казалось, что время течет непозволительно медленно. В двадцать первом веке вопрос бы решился мгновенно посредством электронной почты или мобильного телефона, здесь же приходилось ждать курьера, сначала мчащегося на перекладных лошадях в Южноморск, а потом на борту быстроходного фрегата, спешащего через море. В который раз приходилось лишь вздыхать об отсутствии нормальной связи.

Проблемой электричества я наших ученых озадачил и несколько перспективных идей подкинул, но до получения сколько-нибудь приемлемых результатов еще было далеко. Кстати, я уже столько «божественных откровений» вложил в уши местным ученым, что с каждым разом мне становилось все труднее вуалировать их, выдавая за мысли других людей, или подталкивать ученых к нужным выводам посредством целенаправленных вопросов и предположений. Мне не раз уже приходилось ловить подозрительные взгляды, вопрошающие, откуда я могу знать сугубо технические вещи. И если инженеры и ученые в большинстве случаев просто искренне изумлялись, то были товарищи, скрупулезно собиравшие мои «подсказки», чтобы в нужный момент предъявить их мне в качестве обвинения.

Абсолютно точно знаю, что этим занимались некоторые представители церкви, с которой у меня, в общем и целом, отношения были весьма натянутые. Не было у меня времени разжевывать каждому священнослужителю важность технического прогресса, а с противоположной стороны было много недовольства и школами для крестьянских детей, и переписью населения, и наплывом иностранцев в страну, и повсеместным внедрением механизмов, которые, оказывается, «все от нечистого».

Острые углы обычно сглаживали царевич Федор и покойный митрополит. Сейчас же я не мог рассчитывать ни на того, ни на другого. Именно потому и сорвался, как только удалось выкроить половину дня, в Свято-Михайловский монастырь к старцу Порфирию, благо тот в своем преклонном возрасте был еще не только здоров, но и в очень даже ясном уме. И это еще не говоря о том, что он буквально видел меня насквозь и знал обо мне всю правду.

Пробеседовав с Порфирием и настоятелем монастыря отцом Сергием несколько часов, я отбыл в столицу вполне себе успокоенным по части выборов нового патриарха. Синод должен был состояться в ближайшее время, и мои собеседники обещали там обязательно присутствовать, ну а авторитет обоих в церковной среде был очень высок, так что за достойный выбор можно было не переживать. Таридии сейчас, как никогда, нужен нормальный, вменяемый первосвященник, который бы не просто не мешал, но и помогал мирским

властям.

Окрыленный удачно проведенными переговорами, я вернулся в Ивангород и вновь с головой окунулся в повседневную рутину, которую теперь приходилось тянуть «за себя и за того парня», то бишь наследника таридийского престола. Благо что к похоронам митрополита Филарета из Бобровска прибыл царевич Алексей, сразу взваливший на себя большинство представительских функций. Попутно его приезд помог снизить градус напряженности в высших слоях общества. Ведь многие представители столичной аристократии очень настороженно восприняли устроенный мною маленький переворот. С появлением же в царском дворце младшего представителя монаршей фамилии производимые мной действия сразу обрели почти полную легитимность.

Почти – потому что авторитет младшего царского сына заметно уступал авторитету старшего, и злые языки продолжали судачить о степени его свободы от моего влияния. Но это ничего, пусть судачат, главное, чтобы палки в колеса не пытались вставлять.

Федор Иванович у нас был личностью чрезвычайно одаренной, много чем интересовался и добивался успеха практически во всех своих начинаниях, но самым главным увлечением, самым любимым его детищем, конечно же, был флот. Подобно российскому Петру Первому царевич Федор буквально грезил морем, мечтал сделать Таридию великой морской державой и все свободное время уделял заботам о

флоте, суммарно по несколько месяцев в году пропадая в Южноморске, Чистяково или Мерзлой Гавани.

Как никто другой, я разделял желание царевича Федора иметь лучший в мире флот. Уж кому, как не мне понимать, какие бонусы сулит это в будущем настоящим хозяевам морей и океанов. А сейчас как раз в самом разгаре век великих географических открытий, так что сам бог велел подсуесться в этом направлении, чтобы успеть получить свою долю от пирога в виде богатых заморских земель. Однако, несмотря на все это, я оставался человеком сугубо сухопутным, какой-либо особой любви к морю не испытывающим. Да и мои знания о кораблях из прошлой жизни были весьма скудными и поверхностными. Потому мой вклад в развитие флота ограничивался лишь небольшими общими подсказками.

Понятно, что мы распространили на корабли все наши достижения в области артиллерии, благодаря чему морские перестрелки между фрадштадтскими и нашими канонирами все чаще заканчивались безоговорочной победой наших. Все-таки большое дело, когда ваши разрывные снаряды гарантированно взрываются, а зажигательные – загораются. В противном случае артиллерийская дуэль между двумя кораблями становится похожа на банальную стычку хулиганов, бросающихся друг в друга камнями. Сложно в это поверить, но вплоть до девятнадцатого века главным способом одержать победу над неприятельским судном было взять его на бордаж, ибо потопить его, пробивая борта и снося парусное

оснащение обыкновенными чугунными ядрами, было делом практически невыполнимым.

Кроме этого, удалось вспомнить, что сплав меди и цинка называется латунью, а поскольку месторождений того и другого металла в Таридии было предостаточно, то ничего не мешало увеличить объемы ее производства. И приспособить латунные листы для обшивки днищ кораблей, что позволяло значительно повысить срок службы корпуса судна, снизить затраты на очистку днищ от водорослей и морских микроорганизмов, а также добавить один-два узла скорости.

В остальном же никаких дельных советов по улучшению корабельной конструкции или там по парусному оснащению дать я не мог. Разве что обещал со временем установить на них паровые машины, превратив в пароходы. Но это процесс не сиюминутный, мы только-только опытные образцы первых паровозов заканчиваем, а там дойдут руки и до флота.

Так что, замещая старшего царевича, по флотским делам я занимался лишь общими вопросами, оставляя остальное на потом – жизнь в восемнадцатом веке течет неторопливо, из-за задержки на пару недель мир не рухнет.

Вот вопрос расширения и развития заморских территорий был мне гораздо ближе и понятнее и волновал меня несказанно как раз из-за полнейшего недопонимания его важности в правящих верхах Таридийского царства.

Так уж вышло, что в этом мире в самом разгаре было время освоения новых территорий, так что всем желающим рас-

ширить свои владения и в будущем получать выгоду от территориальных приобретений стоило подсуетиться.

У меня вот Восточный материк, по названию одной из областей называемый у нас Рунгазеей, вызывал все более возрастающий интерес, и, если бы не необходимость отражать постоянные посягательства соседей на таридийские территории на старом континенте, я бы сам с удовольствием активно занялся его освоением. Наши предприимчивые купцы на свой страх и риск основали там с десятков поселений, но только два года назад с моей подачи было официально заявлено о включении земель вокруг устья большой реки Рунгаза, названной так в честь одного из местных племен, в состав Таридийского царства. Новые земли требовали поддержки и внимания властей, а посему туда срочно требовалось подобрать толкового и волевого губернатора. Но пока такового не находилось. Я даже думал, что царевич Алексей, используя все выгоды принадлежности к монаршему семейству, мог бы стать идеальным кандидатом на данную вакансию, но сам он в Новый Свет не спешил, а озвучивать свои мысли вслух я пока не решался. Недоброжелатели, типа Глазкова и генерал-прокурора Свитова, вмиг бы обвинили меня в устранении конкурентов на пути к трону. Так что ситуация с новыми землями сейчас развивалась ни шатко ни валко, и никто не хотел понимать, что в будущем такое пренебрежение может выйти стране боком.

К сожалению, я не волшебник и не могу объять необъят-

ное. И втолковать людям, редко покидавшим пределы родного города или села, важность рунгазейских земель не мог, да и не было у меня на это времени – и так взвалил на себя целую кучу работы. Хорошо хоть на оружейном направлении у меня был отличный помощник в лице князя Григорянского.

– Вот! – заявил Василий Федорович, как всегда, без стука вваливаясь в мой кабинет на следующий день после моего возвращения из монастыря. На стол звучно шлепнулась солидной толщины папка с бумагами. – Опять ничего путевого не вышло!

Что поделать, не все и не всегда у нас получалось так гладко, как хотелось бы. Около десятка конструкторских бюро, образованных с моей легкой руки, работали не покладая рук. Хорошее финансирование, постоянный приток свежих кадров и здоровая конкуренция исправно двигали колесо технического прогресса, но всего этого пока было недостаточно для создания единого патрона. Не позволяли пока технологии создать надежную и доступную по цене металлическую гильзу. Мы пытались делать их из картона, но пока все это выглядело не более чем детской забавой – настоящего прорыва добиться никак не получалось.

– Может, бросить уже это дело? – Григорянский опустил-ся в гостевое кресло и, закинув ногу на ногу, откинулся на спинку. – Может, на артиллерию больше сил кинуть? С хорошими пушками скорострельные ружья могут и не понадо-

биться.

– Вась, я же тебе уже не раз рассказывал – за единым патроном будущее. Это важно и для стрелкового оружия, и для артиллерии. Так что пусть пробуют дальше.

– А тебе не кажется, что штуцеров с нарезными стволами и коническими пулями вполне достаточно для превосходства на поле боя?

Я устало вздохнул. Тяжело объяснять людям вещи, являющиеся для тебя прописной истиной, а им совершенно непонятные. Конечно, штуцер – фузея с нарезным стволом – был большим шагом вперед по сравнению с привычным гладкоствольным ружьем. Вернее, шагом вперед был штуцер в паре с конической пулей, ибо привычную круглую пулю загонять в ствол с нарезками приходилось при помощи молотка и железного шомпола. Пуля же конической формы заходила в ствол нормально, а при выстреле ее слегка расплющивало, вжимало плотно в ствольные нарезки, и, прилично закрутившись, она отправлялась в свой смертоносный полет. Таким образом скорострельность нарезных и гладкоствольных ружей уравнивалась, зато по дальности стрельбы штуцер превосходил своего гладкоствольного оппонента почти вдвое. Солидно. Но разве это может идти в сравнение с достоинствами единого патрона?

– На сегодняшний день – достаточно. Но нельзя останавливаться на достигнутом, так что пусть продолжают работу. Хорошие новости есть?

– А как же! – расплылся в довольной улыбке Василий Федорович. – Как не быть? Наклепали по нескольку колец на стволы новых мортирок и легких мортир, ну, тех, что ты гранатометами и минометами называешь. Так срок службы стволов почти на сорок процентов вырос!

– Ух ты! Вот это уже серьезно! – обрадовался я.

Гранатометы мне даже «изобретать» не пришлось. Просто однажды увидел в войсковом обозе так называемые ручные мортирки – этикие фузеи с короткими широкими стволами, стрелявшие гранатами. И понял, что предок гранатомета уже достаточно давно существует! Правда, очень уж несуразный и малоэффективный, а потому весьма редкий.

Вот взяли эту самую мортирку за основу и принялись дорабатывать. Ствол удлиненили, снабдили новыми кремневыми замками, боеприпас специально для нее переделали – и результат не заставил себя ждать: граната теперь исправно улетала на дальность до ста пятидесяти метров и гарантированно взрывалась.

Попутно, раз уж зашла речь о ручных мортирках, удостоились моего внимания и сами мортиры. Вообще мортира – это артиллерийское орудие, предназначенное для навесной стрельбы и в случаях, когда нужно поразить закрытые позиции противника, весьма полезное. Но при этом громоздкое и чрезвычайно дорогое. Потому иметь достаточное количество мортир не представлялось возможным ни для одной армии мира. По крайней мере, традиционных мортир.

А если упростить ствол фактически до простой трубы, приделать к ней раздвижные сошки, в основание поставить чугунную плиту для передачи отдачи от выстрела на грунт, то получится миномет. Калибр, конечно, будет гораздо меньше мортирного, дальность стрельбы тоже, ну так и задачи у него будут несколько иные.

Поэкспериментировали со стволами, боеприпас доработали и получили недорогую и вполне себе эффективную малую артиллерию с дальностью стрельбы до полутора километров.

Только вот местная металлургия за скоростью нашей изобретательской мысли не поспевала, отчего никак не удавалось добиться нужной надежности стволов. Год бились над проблемой, люди при испытаниях пострадали, но результата так и не было. И вот теперь, хоть и кружным путем, но достигнуты серьезные улучшения. Отлично!

Успеть бы теперь в войска поставить да людей обучить, и – держись, Янош! Если все получится, то неугомонному улорийскому королю первому доведется на своей шкуре прочувствовать разрушительную мощь большого количества мобильной артиллерии!

Раньше мне не раз приходилось слышать расхожее выражение, что война – двигатель прогресса, но только теперь пришлось убедиться в его правдивости. Хочешь, чтобы тебе дали спокойно поднимать промышленность и сельское хозяйство в своей стране, – сделай так, чтобы твою армию все

опасались. Вот и мне волей-неволей пришлось подталкивать технический прогресс в отдельно взятой туземной стране посредством подсказок, большинство которых так или иначе касались именно военной отрасли.

Вообще-то мне это все не сильно нравилось. Я бы с удовольствием пожил для себя любимого, не влезая ни в какую политику и не тратя времени на нудную работу. Вполне хватило бы мне богатств Холодного Удела, раз уж попал я в этот мир в теле его владельца. Так нет же, судьба распорядилась так, что сначала пришлось барахтаться изо всех сил, чтобы выжить и остаться на плаву, а потом я уже не мог остановиться, потому что стал слишком заметной фигурой и был вовлечен в большую политическую игру. И чем дольше я принимал в ней участие, тем яснее понимал, что выйти из нее теперь можно только двумя способами – либо всех победить, либо погибнуть. Понятно, что первое очень труднодостижимо, а второе может случиться в любой момент – Федор тому свидетель, с ним уже почти случилось. Но все-таки я дитя двадцать первого века и в свое время успел начитаться и насмотреться такого, что местным политическим шулерам и не снилось, потому надежда очистить от них игровой стол у меня имелась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.